

- Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РОССИЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ, ЭКСПЕРТИЗА И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
регионального научно-методического
семинара (23 октября 2019 г.)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ТЕРРОРИЗМА
И ФОРМИРОВАНИЮ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

РОССИЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ, ЭКСПЕРТИЗА И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

*Сборник материалов
регионального научно-методического семинара
(23 октября 2019 г.)*

Ставрополь
2019

УДК 30/32 (082)
ББК 60.5: 66.0 я43
Р 76

Научные редакторы:

д-р филос. наук, профессор **С.Ю. Иванова**,
д-р филос. наук, доцент **Б.В. Аксюмов**

Р 76 **Российская гражданская и цивилизационная идентичность: теоретические подходы, экспертиза и механизмы формирования:** сборник материалов регионального научно-методического семинара (г. Ставрополь, 23 октября 2019 г.). – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2019. – 128 с.

ISBN 978-5-9296-1042-4

В сборник включены материалы регионального научно-методического семинара «Российская гражданская и цивилизационная идентичность: теоретические подходы, экспертиза и механизмы формирования», который проводился в рамках реализации стратегического проекта СКФУ «Российская гражданская и цивилизационная идентичность».

Предназначен для научных и практических работников, преподавателей, аспирантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

УДК 30/32 (082)
ББК 60.5: 66.0 я43

*Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии. Ответственность за достоверность приводимых статистических материалов, результатов социологических исследований и других научных материалов несут авторы.
Статьи публикуются в авторской редакции.*

ISBN 978-5-9296-1042-4

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Авксентьев В.А. Проблемы гражданской и цивилизационной идентичности в новой редакции Стратегии госнацполитики России до 2025 года	6
Адиев А.З. Социально-групповые идентичности в современном Дагестане	12
Аксюмов Б.В. «Изобретение традиций» на Украине и их воздействие на российскую идентичность	17
Аствацатурова М.А. Проект российской гражданской идентичности в политическом и этнополитическом контексте современности	27
Багдасарова А.Б. Современное образование как фактор формирования российской гражданской идентичности	38
Вшивцева Л.Н. Российская цивилизационная идентичность как путь преодоления межкультурных и межэтнических конфликтов в Северо-Кавказском регионе	44
Гриценко Г.Д. Идентификационный потенциал социальной памяти: проблемы и перспективы	48
Груднев В.О. Политическая активность молодежи как проявление российской гражданской идентичности	54
Желнакова Н.Ю. Региональный аспект конструирования гражданской идентичности в молодежной среде	57
Иванова С.Ю. Миссия образования в реализации стратегии формирования российской идентичности в полиэтничном социуме	63
Иванов В.В. Религиозный фактор в межэтнических отношениях на Северном Кавказе: пути достижения мира и согласия	70
Казиева А.М., Казиева Д.А. К проблеме формирования социокультурного пространства в Северо-Кавказском регионе	77
Лагунов А.А. Идеологический полилог как механизм формирования российской цивилизационной идентичности	85
Майборода Э.Т. Государственно-правовая политика обеспечения информационной безопасности и противодействия радикальным настроениям в информационно-сетевом пространстве	94
Муликова Н.А. Социальная реклама как средство формирования гражданской и цивилизационной идентичности	98
Орлянский С.А., Орлянская Е.Н. Этнокультурная идентичность в современном социально-гуманитарном знании	102

Попов М.Е. Региональные конфликты идентичностей и проблемы социокультурной интеграции на Северном Кавказе	107
Тапешкина С.А. Культура межнационального общения как фактор профилактики экстремизма в студенческой среде	111
Тишкевич Э.В. Социокультурная особенность конфликтов идентичностей в Северо-Кавказском регионе	115
Хачатрян Л.В. Особенности формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе	120
Сведения об авторах	125

ПРЕДИСЛОВИЕ

В условиях поликультурного Северного Кавказа российская цивилизационная идентичность – обязательное условие личностной, социальной и профессиональной успешности выпускника университета.

На Северо-Кавказский федеральный университет возложена важнейшая социокультурная и научно-образовательная миссия – формирование российской цивилизационной идентичности, гражданской ответственности, патриотизма, культуры межнационального и межконфессионального общения в студенческой среде.

Один из стратегических проектов, реализуемых в Северо-Кавказском федеральном университете «Российская гражданская и цивилизационная идентичность» направлен на формирование набора базовых общекультурных компетенций, позволяющих молодым людям правильно оценивать ситуацию, планировать свои жизненные стратегии в мире, в стране, в регионе, противостоять проявлениям этнонационального, религиозного и политического экстремизма; на формирование социально значимых личностных качеств – навыков социокультурной адаптации и интеграции, культуры межнационального и межконфессионального общения, правовой культуры, культуры социальной ответственности и бесконфликтного взаимодействия.

Основным механизмом реализации проекта является разработка и введение в учебный процесс дисциплин, тематика которых направлена на формирование российской цивилизационной идентичности, гражданской ответственности, патриотизма, культуры межнационального и межконфессионального общения. При решении задач по формированию у студентов российской гражданской и цивилизационной идентичностей в университете особое внимание уделяется качеству овладения студентами коммуникативными ресурсами русского языка как государственного, как одной из важнейших основ социокультурной интеграции полиэтничного российского общества.

Настоящий сборник представляет собой материалы регионального научно-методического семинара «Российская гражданская и цивилизационная идентичность: теоретические подходы, экспертиза и механизмы формирования».

Иванова С.Ю., Багдасарова А.Б.

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НОВОЙ РЕДАКЦИИ СТРАТЕГИИ ГОСНАЦПОЛИТИКИ РОССИИ ДО 2025 ГОДА¹

Авксентьев В.А.

*ФГБУН Федеральный исследовательский центр
«Южный научный центр РАН»,
г. Ставрополь*

6 декабря 2018 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666»². При поверхностном знакомстве с документом может создаться впечатление, что в нем произошли небольшие и чисто редакционные изменения. Однако такое впечатление не соответствует действительности.

Во-первых, в новой редакции «Стратегии...» по-иному расставлены приоритеты. В числе приоритетов государственной национальной политики Российской Федерации первым приоритетом определено укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации (российской нации). Таким образом, осуществляется долго ожидаемый поворот в сторону интеграции российского общества. В течение всего постсоветского периода в практической политике делался акцент на развитие этнокультурного многообразия, национальных языков и культур. Этот приоритет в новой редакции документа, безусловно, сохраняется, но в качестве второго.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках ПФИ Президиума РАН № 20 «Новые вызовы климатической системы Земли», № гр. проекта АААА-А18-118011990322-1.

² Президент России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/zb8ne3ZCBHvIwztJfgKM3BH Po7A0VG3j.pdf>

Во-вторых, одним из центральных в новой редакции «Стратегии...» является термин идентичность, употреблявшийся в предыдущей редакции один раз. В новой редакции этот термин употребляется десять раз. Термин «идентичность» за шесть лет, прошедшие между принятием исходной версии документа и его новой редакцией, широко вошел в общественно-политический дискурс, используется практическими политиками. В России формируется самостоятельное направление политики – политика идентичности.

Цели, задачи и содержание политики идентичности раскрываются в новой редакции «Стратегии...» через ряд положений, касающихся системы ценностей.

Большой новацией является формулировка ценностей, которые являются общими для всех этнических общностей, составляющих российский народ: патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь и коллективизм. По существу, обществу предлагается национальная идея, вокруг которой в постсоветский период велись активные дискуссии, в первую очередь относительно того, нужна ли российскому обществу такая идея.

Проблемы в сфере межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений, рассмотрены в контексте новых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации. В прежней редакции речь шла о некоторых просчетах в государственной политике и нерешенных проблемах. В числе таких проблем названа частичная утрата этнокультурного наследия, размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в том числе вследствие глобализации. Эти изменения также имеют концептуальный характер: вопросы межнациональных и межрелигиозных отношений рассматриваются в контексте обеспечения национальной безопасности страны.

При определении целей государственной национальной политики выстроена следующая иерархия:

а) укрепление национального согласия, обеспечение политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов (отсутствовало в прежней редакции);

б) укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации) (было на первом месте);

в) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина на независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (было на четвертом месте).

Таким образом, российское общество подошло к этапу выстраивания национальной политики на демократической платформе с опорой на права и свободы человека в этнокультурной сфере. В качестве первого принципа государственной национальной политики Российской Федерации выделяется равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. (В предыдущей редакции «Стратегии...» этот тезис был на третьем месте).

Хотя в новой редакции «Стратегии...» Северный Кавказ не упоминается в качестве вопроса, требующего особого внимания государственных и муниципальных органов (в предыдущей редакции Северный Кавказ в этом контексте был выделен отдельным пунктом: «создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе»), проблемы межэтнических отношений остаются одними из наиболее рискованных в регионе. Снижение остроты политической постановки этнопроблематики (из политической жизни почти полностью исчез этносепаратизм, заметно снизилось количество терактов, этнический фактор практически не использовался в качестве инструмента электоральной мобилизации в ходе «большого электорального цикла» 2016-2018 гг.) актуализировало гуманитарную, социокультурную составляющую этнических процессов в регионе.

На Северном Кавказе одним из главных препятствий успешной реализации государственной национальной политики в регионе, его модернизации является гипертрофированная этническая идентичность. Традиционализм фактически стал основой социокультурной политики. Экономические преобразования, давшие

паллиативный эффект, не только не позволили преодолеть этнотрадиционалистские ориентации, но даже укрепили этноклановые связи, автаркию и этноцентризм. Гуманитарная наука в регионе по-прежнему сконцентрирована на этнорегиональной проблематике, удревлении этнических корней, тем самым поставляя «теоретические обоснования» для периодически вспыхивающих территориальных претензий. Между тем в новой редакции «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.», утвержденной в декабре 2018 г., акцент делается на интегративные процессы. Содержательно, хотя и не терминологически, в новой редакции «Стратегии...» ставится задача деполитизации этничности.

Этничность всегда играла на Северном Кавказе заметную роль как в общественно-политической жизни, так и в межличностных отношениях. И в настоящее время этничность остается главной линией раскола в регионе. После распада СССР регион пережил, по определению исследователей, «этнический ренессанс», «этническую революцию», «этноядерный взрыв». Прокатились волны политизации, деполитизации, реполитизации этничности. Возникали этнополитические «тайм-ауты», предоставлявшие государству возможности в более спокойной обстановке приступить к решению накопившихся проблем, – шансы, которые не были использованы.

Относительная стабилизация этнополитических процессов на Северном Кавказе во второй половине второго десятилетия XXI века – безусловное достижение регионального конфликт-менеджмента, однако важно не допустить «головокружения от успехов». Конфликты, произошедшие в регионе во второй половине 2018 – первой половине 2019 гг. (кабардино-балкарский, чечено-ингушский, чечено-дагестанский) ставят вопрос о том, что относительная стабилизация в регионе может быть очередным «этнополитическим тайм-аутом», а не долговременной тенденцией. Концепт российской нации, ставший базовым в современной российской этнополитике, хотя и включен в официальный политический дискурс, не воспринимается общественным сознанием региона, встречает сопротивление в научном сообществе республик Северного Кавказа. Не находят понимания изменения в приорите-

тах в новой редакции «Стратегии...» (акцент на интегративные процессы, осторожный перевод этничности в сферу личного самоопределения), звучат утверждения о том, что «Стратегия...» имеет недостаточное отношение к национальной политике, поскольку задача последней – развитие народов России, национальных культур и языков, а не построение интегрированного общества. Приверженность этничности большей части населения региона характерна для домодерных обществ. Сформировавшаяся у населения региона общероссийская государственная идентичность основывается на факте гражданства, а не на восприятии жителей страны как сограждан, как народа. Формирование российской гражданской и цивилизационной идентичности остается в стадии постановки задач.

К числу рискогенных для укрепления общероссийской идентичности относится языковая проблема, существенно обострившаяся в последние годы в масштабах России и ставшая проблемой номер один в межэтнических отношениях в стране. На Северном Кавказе языковая ситуация менее острая, чем, например, в республиках Поволжья. Поддержанию стабильности в языковой сфере способствует то, что во всех республиках большое внимание уделяется как улучшению преподавания русского языка, так и сохранению и развитию национальных языков и культур, сформирована нормативно-правовая база. Сохранение родных языков рассматривается в республиках региона как важнейшее условие сохранения этнической идентичности.

Само по себе стремление сохранять и развивать родной язык является естественным и позитивным стремлением носителей языка и приобрело глобальный характер. Неслучайно ООН признала 2019 год Международным годом языков коренных народов. Это стремление не выступает в качестве конфликтогенного фактора. Потенциальная конфликтогенность языковой проблемы на Северном Кавказе концентрируется на двух направлениях.

Первая – дальнейшая политизация языковой проблемы и, как следствие, новый виток политизации этничности. Общественные деятели, представители гуманитарной интеллигенции постоянно выдвигают требования к властям; роль языковой проблемы в политизации этничности в большинстве республик (кроме Дагеста-

на) даже выше, чем земельного вопроса. Политизированная этничность – это уже серьезный конфликтогенный фактор.

Второй вектор конфликтогенности – ухудшение знания русского языка, прежде всего, вследствие выезда большей части русского и русскоязычного населения. Учитывая, что значительная часть молодого поколения будет искать работу за пределами республик, служить в армии, возможное ухудшение знания русского языка понизит конкурентные возможности молодых людей, вызовет чувство депривации, что, как следствие, может привести к радикализации настроений. Гуманитарная интеллигенция рассматривает родной язык как ценность, как хранителя и транслятора этнической идентичности, но язык в современном мире – еще и инструмент в борьбе «за место под солнцем», за место на рынке труда.

В политике идентичности на Северном Кавказе предстоит пройти «между Сциллой и Харибдой»: с одной стороны, объективно необходимый интеграционный вектор, заданный новой редакцией «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», с другой стороны – традиционалистская и этницистская ориентация общественного сознания в регионе. В этой ситуации важно актуализировать как в научно-экспертном, так и в общественно-политическом дискурсах постановку проблем, определенную новой редакцией «Стратегии...».

СОЦИАЛЬНО-ГРУППОВЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ

Адиев А.З.

*Региональный центр этнополитических исследований
«Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН»,
г. Махачкала*

Основной целью государственной национальной политики Российской Федерации, как политики нациестроительства (nation-building), является укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации). В рамках реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» были приняты Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)», а также государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики». В этих документах, как и в самой «Стратегии...», среди негативных факторов, влияющих на развитие межэтнических отношений, отмечается недостаточность мер по формированию российской гражданской идентичности и гражданского единства.

В Республике Дагестан осуществляется государственная программа РД «Реализация государственной национальной политики в Республике Дагестан на 2018-2020 годы», где содержится отдельная подпрограмма «Формирование общероссийской гражданской идентичности и развитие национальных отношений в Республике Дагестан». Согласно этой подпрограмме основной задачей в области государственной национальной политики в Республике Дагестан представляется формирование у подрастающего поколения через различные институты социализации (семья, образование, средства массовой информации, религия, традиции и новации культуры) общероссийской гражданской идентичности. В Законе Республики Дагестан от 10 апреля 2017 г. №23 «О правовых основах развития межнациональных отношений в Республике

Дагестан» прописано, что органы государственной власти Республики Дагестан и местного самоуправления оказывают всемерное содействие в формировании у населения общероссийской гражданской идентичности¹.

Российская идентичность, разумеется, не индивидуальная, а коллективная. Поэтому в опросном листе респондентов просили определиться не по вопросу «кто я?», а относительно того, о ком они могут сказать «это – мы». Им предлагалось выбрать из предлагаемых формулировок: «люди того же достатка», «люди той же национальности», «граждане России», «жители моего города/села», «люди той же веры», «люди той же профессии», «люди тех же взглядов на жизнь», – для того, чтобы выявить место гражданской идентичности среди других видов идентичностей. Дополнительно в анкете среди списка ответов на данный вопрос был ответ «другое» с возможностью прописать иную коллективную самоидентификацию респондента. В ответе на заданный вопрос респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа, чтобы максимально проявить социальные стороны своей идентичности. Согласно ответам, наиболее предпочтительной категорией самоидентификации у жителей республики является гражданская общность. Ответ «граждане России», выбрали 68,8% от общего количества опрошенных дагестанцев. На втором месте у респондентов стоит ассоциация себя с «людьми той же веры» (24,2%). Этническая принадлежность в качестве коллективной самоидентификации отмечена лишь 13,1% респондентов. Наименьшие ассоциации у жителей республики вызывают такие общности, как «люди той же профессии» (6%) и «люди того же достатка» (5,6%).

Далее в анкете ставились вопросы: «Кем Вы себя чувствуете в большей мере: скорее человеком своей национальности или скорее россиянином?»; «...скорее дагестанцем или скорее человеком своей национальности?»; «...скорее россиянином или скорее дагестанцем?». Данные вопросы призваны выявить у жителей респуб-

---

¹ Закон Республики Дагестан от 10 апреля 2017 г. № 23 «О правовых основах развития межнациональных отношений в Республике Дагестан». Статья 9, п. 2 // [Электронный ресурс]. Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/446194039> (дата обращения 28.09.2019).

лики доминирующие категории их самоидентификации. Респондентам предлагалось выбрать, кем они себя чувствуют в большей мере, – россиянами, дагестанцами или представителями своих этнических групп. В ответах на эти вопросы можно было выбрать лишь один вариант ответа. Как и в результатах опросов предыдущих лет, данные исследования 2019 года фиксируют преобладание в массовом сознании жителей республики «двойственной» («множественной») самоидентификации. Совместимость гражданской самоидентификации с этническим самосознанием широко представлено и проявляется во множественной идентичности. Так, на вопрос: *«Кем Вы себя чувствуете в большей мере: скорее человеком своей национальности или скорее россиянином?»* 49,8% респондентов ответили и тем, и другим в равной мере. На вопрос: *«Кем Вы себя чувствуете в большей мере: скорее дагестанцем или скорее человеком своей национальности?»* 46,7% респондентов ответили «и тем, и другим в равной мере». А выбирая между российской (гражданской) и дагестанской (региональной) идентичностью 43% респондентов ответили «и тем, и другим в равной мере».

Для раскрытия содержания российской идентичности индикатором были ответы на вопрос: *«Что Вас больше всего объединяет со всеми гражданами страны?»*. Согласно данным опроса, наиболее консолидирующим с россиянами признаком государственно-гражданской идентичности для опрошенных дагестанцев выступает «общее государство», которое отметили 60% респондентов. Эти данные коррелируют с результатами прошлогоднего опроса, который фиксировал также высокую оценку этого маркера.

Одним из важных составляющих российского самосознания дагестанцев отмечен «русский язык как общий государственный» (41,2% респондентов). Опрос фиксирует востребованность и повышение значимости русского языка как языка межнационального общения в структуре российской гражданской идентичности в дагестанском обществе. В Республике Дагестан основным средством межнационального общения служит русский язык.

Уровень ответственности граждан за дела в стране – важный показатель гражданской идентичности – остается популярным в дагестанском социуме. По результатам опросов 2019 года почти каждый четвертый респондент (24,6%) отметил вариант ответа

«ответственность за судьбу страны». Далее по убыванию из предложенного списка характеристик государственно-гражданской идентичности респондентами отмечены: «общая территория проживания» (23,8%); «общая культура (праздники, литература, искусство)» (20,7%); «общие пережитые исторические события» (19%); «черты характера» (3,6%).

Вопрос: *«насколько близко Вы себя чувствуете с ниже перечисленными группами?»* подтверждает эмоциональную близость жителям республики их религиозной и этнической общности. Варианты ответов на данный вопрос были сгруппированы на подгруппы от «очень близко» до «близко» с целью установления выраженности ощущаемой связи с разными социальными образованиями. Согласно суммарным данным самым популярным вариантом стал ответ, указывающий на чувство общности респондентов с людьми одной с ними веры (29,9%). Почти столько же респондентов (29,8%) отметили чувство общности с представителями своей этнической группы.

В целом, исследование иерархии типов социальной идентичности у жителей Республики Дагестан показывает многообразие сочетаний у них гражданского, этнического и религиозного самосознания при когнитивном превалировании государственно-гражданской идентичности. Динамика гражданской идентичности за последнее десятилетие прослеживается не только в тенденции расширения масштабов ее восприятия людьми и росте ее актуализации, но и очевидной тенденции изменения в соотношении этнической и гражданской идентичности. Если в 1990-е годы этническая идентичность, очевидно, конкурировала с общероссийской идентичностью, то теперь это явно совмещающиеся идентичности. В гражданской идентичности заложен ресурс позитивной интеграции общества. Ресурс этот будет больше реализован во благо общества, если понимание смыслов гражданства будет глубже осознаваться людьми. Очевидно, что для понимания и следования принципам гражданской идентичности требуется время. Российская гражданская идентичность в основном государственно-гражданская. Для укрепления гражданской идентичности важно наполнить ее смыслами – уважения к закону, правам человека, справедливости, достоинству людей, независимо от национально-

сти, вероисповедания, поддержания норм и принципов поведения, соответствующих такой идентичности. Гражданская идентичность способствует межэтническому согласию, блокирует этнические предубеждения, но не у всех и не всегда. Между тем, понимать и не обидеть других – гражданский долг человека. Наша гражданская идентичность требует дальнейшей разработки и в научном плане, и в плане трансляции научных разработок в образовательную сферу и массовое, общественное мнение. Общероссийская идентичность, как показали исследования, формируется в нашем обществе при сохранении высокого уровня этнического самосознания среди дагестанцев разных национальностей. Основной тенденцией, фиксируемой опросами, было их совмещение.

«ИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИЙ» НА УКРАИНЕ И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА РОССИЙСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Аксюмов Б.В.

*ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Ставрополь*

Известно, что конструирование наций во многом связано с обращением к историческому наследию. Если под «конструированием» понимать не аналог христианской идеи креационизма (создание мира Богом из ничего), а усилия политического руководства по наполнению атрибутивного поля государственности (создание флага, герба, гимна и т.д.), то процедуры конструирования характерны абсолютно для всех наций. На примере Франции, который можно распространить на многие другие нации, обладающие глубокой и реальной историей, механизм подобного конструирования показывает Э. Хобсбаум. «Какой бы ни была, – пишет он, – историческая или иная преемственность, связанная с современной идеей «Франции» и «французов» – и которую никто не пытается отрицать, эти идеи должны включать сконструированную или «изобретенную» составляющую. И только потому, что многое из того, что субъективно образует современную «нацию», состоит из таких конструкций и связано с соответствующими и, вообще говоря, довольно недавними символами и соответствующим образом оформленными дискурсами (например, «национальной истории»), национальный феномен невозможно адекватно исследовать, не уделив должного внимания «изобретению традиции»»¹.

Действительно, многие государственные символы появляются в определенный момент истории, они не могут быть первозданными, а являются отражением определенной исторической ситуации.

---

¹ Цит. по: Смит Энтони Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. – М.: Практикс, 2004. – С. 225-226.

С изменением исторических обстоятельств одни символы могут заменяться другими, в результате политической и культурной реставрации некоторые символы, от которых ранее отказались, могут снова вернуть утраченные позиции, как было, например, с современным российским флагом. За каждым из таких символов скрывается определенная традиция, которая также может пересматриваться и получать новые основания легитимации в современном обществе и истории. Способ рассмотрения истории в качестве «национальной истории» – феномен, характерный для современных наций, которые целенаправленно используют историю как инструмент своего самоутверждения в рамках современности. В этом смысле действительно можно говорить об «изобретенных традициях» как методе приспособления исторического наследия к реалиям настоящего момента. В частности, в рамках современной российской политики идентичности репрезентация прошлого происходит в форме тысячелетней российской цивилизации с сохранившимся до настоящего времени «культурным кодом», который, по мнению политиков, и сегодня оказывает значительное воздействие на россиян, на их морально-нравственные установки, на принципы их политического и гражданского поведения.

Разумеется, всякая власть, опираясь на определенную идеологию, конструирует свой образ национальной истории. Особенно выразительны в данном отношении тоталитарные режимы, репрезентирующие прошлое как подготовительный этап для наступления «эпохи социализма» или «Третьего Рейха». Телеологичность истории становится основанием для выемки из нее целых периодов, возвеличивания одних и забвения других событий или героев. Для этой цели новые поколения историков пишут новую историю своей страны, иногда очень непохожую на предыдущую. Как отмечает Э. Хобсбаум, «нации без прошлого – это своего рода противоречие в терминах. Прошлое и есть то, что создает нацию; именно прошлое нации оправдывает ее в глазах других, а историки – это люди, которые «производят» это прошлое»¹. В этом смыс-

---

¹ Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр,

ле можно сказать, что «прошлое конструируется и реконструируется, исходя из потребностей и целей каждого последующего поколения; даже личная память является насквозь социальным и культурным конструктом; коллективная, или социальная, память не только конструируется, но и периодически оспаривается; «поиски полезного прошлого» предполагают не только крайне избирательную память и масштабное забвение, но даже откровенное «изобретение»; политика настоящего, следовательно, не только формирует репрезентацию, но нередко приводит к неверной репрезентации прошлого»¹.

Обратим внимание на последнюю фразу, в которой речь идет о «неверной репрезентации прошлого». Понимать ее следует в том смысле, что при всех «изобретениях», «вымыслах», «фантазиях» существует все же некоторое, с позволения сказать, объективное прошлое, реальная история как перечень действительно произошедших событий, живших героев и т.д. Иными словами, «манипуляции с памятью в настоящее время допускаются, но и ограничиваются прошлым»². Кроме того, как отмечает Энтони Смит, «наши представления о прошлых культурах устанавливают пределы, в которых они могут изменяться; чем богаче и лучше описано прошлое и культуры и чем больше наше знание и понимание их, тем трудней и сложней оказывается задача изменения этих культур и наших интерпретаций прошлого. Поэтому всегда имеет место сложное взаимодействие между потребностями и интересами современных поколений и элит, моделями и преемственностью старых культур и опосредованными интерпретациями «нашего» этнического прошлого»³.

М. Хрох и др.; Пер. с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002. – С. 332.

¹ Брубейкер Р., Файшмидт М. 1848 в 1998: Коммеморативная политика в Венгрии, Румынии и Словакии. В кн.: Р. Брубейкер. Этничность без групп [Текст] /пер. с англ. И. Борисовой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 291.

² Там же. – С. 366.

³ Смит Энтони Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. – М.: Праксис, 2004. – С. 91.

Эти соображения об ограниченности манипулятивных возможностей в отношении исторического прошлого весьма важны в контексте процессов, происходящих сегодня на Украине. Националистический дух современной украинской нации лихорадочно выискивает себе достойное историческое прошлое. Ведь, как верно заметил Б. Андерсон, «если национальные государства принять в широком допущении как «новые» и «исторические», то нации, которым они дают политическое выражение, всегда как бы выплывают из незапамятного прошлого...»¹. В этой связи неудивительно, например, появление в современном украинском историческом дискурсе «древних укров», прославившихся своими военными победами и культурными достижениями. По верному замечанию С. Хоружего, «дальше каких-то рубежей в историческом времени начинаются области глобального хронотопа, о которых известно ничтожно мало, – пространства «доисторического» или «праисторического» существования человека; и поэтому, имея решимость, вполне возможно колонизировать эти пространства, наполняя их содержанием, нужным для традиционалистского проекта, населяя их желаемыми этносами и расами, приписывая им подходящую культуру и самое главное – «традицию»»².

В этой связи нельзя обойти стороной замечательный пример подобной «решимости», продемонстрированный авторами учебника «Географии» для 8-х классов, официально рекомендованного Министерством образования и науки Украины. Выдержки из учебника опубликовал на своей странице в Facebook украинский журналист Андрей Манчук. Он отметил, что пособие издано в 2016 году, его авторами являются Петр Масляк и Светлана Капирулина. В частности, в учебнике отмечается, что «фактически тысячи лет Украина была в одних и тех же пределах. Люди здесь занимались тем же, чем занимаются и сегодня – выращивали пшеницу и рожь, овощи и фрукты, разводили скот. Занимались ре-

---

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Кучково поле, 2016. – С. 54.

² Хоружий С.С. Злоключения традиции, или почему нужно защищать традицию от традиционалистов // Вопросы философии. – 2017. – № 9. – С. 111.

меслом и охотой, обменивались товарами с близкими и дальними народами. Античные исследователи отмечали атлетическое строение мужчин, их храбрость и воинственность, а также красоту женщин. Разве это не характеристика современного украинского народа?». Из учебника следует, что «феноменальные качества украинской нации», которые породила богатая природа Украины, распространились по всему миру, а трипольской пшеницей питаются и в США, и в Аргентине, и в Китае. Также авторы учебника сообщили, что особенность украинского народа – это непреодолимая тяга к звездам. В области освоения космоса украинцы сделали больше, чем все народы, вместе взятые. «Наша нация дала человечеству Крылья», – говорится в учебнике. Также авторы сообщают, что украинская народная музыка была положена в основу всей европейской музыки. «Нация, которая дала миру Песню, Хлеб и Крылья, способная превратить Украину в одну из ведущих стран мира», – цитирует Манчук. Авторы также привели «доказательства», что украинцы – это славянизированные германцы. По их словам, об этом говорит аккуратность и трудолюбие украинцев, а также ряд слов, заимствованных из романо-германских языков. В конечном итоге авторы заявляют, что «американские ученые считают украинцев древнейшей нацией в мире»¹.

Вряд ли подобный «исторический креационизм» нуждается в серьезных комментариях. Однако наличие подобных примеров изобретения прошлого (а таких примеров на современной Украине множество) показывает и интеллектуальное невежество, и националистический пыл, сжигающий остатки здравого смысла, и полное отсутствие хоть каких-то рамок для манипулирования историей. В отсутствие подлинной и признаваемой другими истории сочинение национальной легенды не подчиняется никаким законам и ограничениям, оно становится абсолютно волюнтаристским и антинаучным. В этом контексте высказывание И. Фарион об украин-

---

¹ Украинский школьный учебник поразил пользователей Сети // Рамблер [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/ukraine/40431969-ukrainskiy-shkolnyy-uchebnik-porazil-polzovateley-seti/?utm_source=head&utm_campaign=self_promo&utm_medium=news&utm_content=news&updated (дата обращения 01.08.2018).

ских корнях современных хорватов выглядит вполне естественным. Согласно ее исследованиям, жители Хорватии переселились на Балканы «с территории западной Украины в четвертом-шестом столетии». По словам И. Фарион, даже названием страны хорваты обязаны украинцам. Она заявила, что в скором времени опубликует сборник статей, в котором рассказывается, что этноним «хорваты» произошел от Хорива – имени одного из братьев, которые, по легенде, основали Киев¹.

По словам Энтони Смита, «прошлое так же необходимо для националистической мифологии, как и будущее, и «золотой век» столь же значим, как и славная судьба нации. Поэтому национализм всегда должен связывать свои представления с национальным прошлым, то есть с коллективными воспоминаниями народа. Прошлое – это не какая-то нейтральная область, которую необходимо исследовать и анализировать; это локус *exempla virtutis*, священной, наследственной родины, золотого века и общинной подлинности и идентичности. Прошлое воплощает особые ценности и традиции сообщества, без которых не было бы никакой нации, никакой национальной судьбы. Для национализма они являются священными составляющими национального духа, которые следует оберегать и восстанавливать. В этом смысле национализм становится «религией истории», сакрализующей подлинное прошлое сообщества на его наследственной родине»².

«Подлинное прошлое» современного украинского общества отыскивается без особенного труда, поскольку при этом конструкторы этого прошлого не пренебрегают никакими приемами подтасовки и манипуляции. Естественно, что главным объектом приложения подобного рода манипулятивных технологий выступает история Древней (Киевской) Руси, как по причине солидной хронологической уда-

---

¹ В Киеве обнаружили «украинское прошлое» у Хорватии // Рамблер [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/ukraine/40384415-v-kieve-obnaruzhili-ukrainskoe-proshloe-u-horvatii/?utm_source=head&utm_campaign=self_promo&utm_medium=news&utm_content=news (дата обращения 01.08.2018).

² Смит Энтони Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. – М.: Праксис, 2004. – С. 216.

ленности данного периода и, соответственно, явного дефицита четких и надежных свидетельств, так и вследствие территориальной привязки значительной части земель Киевской Руси к территории современной Украины. Сегодня история и культура Киевской Руси, рассматриваемые в России как общее российско-украинское наследие, являются важнейшим ресурсом формирования новой украинской идентичности. Поскольку эта идентичность формируется по уже привычной формуле «Украина – это не Россия», идеологи постмайданной Украины стремятся выправить даже тень русского или российского из истории Киевской Руси. Как отмечает один из идеологов деконструкции «Русского мира» А. Дроздов, «необходимость выходить из навязанной Москвой роли «младшей сестры» не только назрела, но и самым серьезным образом перезрела, теория «старшего брата» должна быть отмечена, Киеву надлежит вернуть себе статус древнейшей метрополии, а не «молодого государства, 5 раз терявшего свою государственность в 20-ом веке», развернуть самое решительное наступление на Кремль на историческом фронте... в борьбе за монопольное обладание наследием Руси (некоторые особо радикальные отечественные правдолюбцы вообще призывают вернуть стране её старое название «Русь»). И нужно отметить, что такой шаг не лишён здравой логики»¹.

Действительно, значимость интерпретации исторического периода Киевской Руси нельзя недооценивать. Трактовка данного периода имеет огромное значение для современной истории, как России, так и Украины. Восприятие Киевской Руси как исторической формы развития российской цивилизации позволяет понимать новое российское государство в качестве преемника той культурно-цивилизационной традиции, которая развивается уже более тысячи лет. В опоре на трансисторические цивилизационные принципы, символизирующие непрерывность развития, целокупность тысячелетнего существования России в мировой истории должно осуществляться формирование интегрирующих общерос-

---

¹ Алексей Дроздов. Украинское «хождение по граблям» против «русского мира» // Хвиля. [Электронный ресурс]. URL: <http://hvylya.net/analytics/politics/ukrainskoe-hozhdenie-po-grablyam-protiv-russkogo-mira.html> (дата обращения 20.05.2016).

сийских форм идентичности, в первую очередь, гражданской и цивилизационной. Слабость гражданской идентичности, часто отмечаемая исследователями, обусловлена несформированностью цивилизационной идентичности, утратой глубинной связи с цивилизационным кодом России и ее культурно-историческим наследием. Как следствие, гражданская идентичность конструируется преимущественно в опоре на новое российское государство и его символы, во многом утратившие в менталитете россиян свою историческую ауру и сакральный смысл. Полноценная гражданская идентичность, конституирующая такие важнейшие параметры жизни человека, как ценности, смыслы, принципы и культурные нормы возможна только на основе цивилизационной идентичности. Поскольку эта последняя находится в настоящий момент лишь в стадии зарождения, рефлексирываясь в качестве абстрактного «цивилизационного кода», граждане России часто не чувствуют своей общности, у них по существу отсутствуют общие социокультурные ценности и ориентиры, что приводит в том числе к межнациональным и межконфессиональным конфликтам¹.

В этом смысле предпринимаемые сегодня на Украине попытки присвоения целых пластов нашей общей истории реально угрожают процессам формирования единой российской нации, ставят под вопрос культурно-исторические основы российской цивилизационной идентичности. Идеологи украинского национализма хорошо понимают эту взаимосвязь и активно используют тематику Древней Руси в идеологической борьбе. Так, А. Дроздов пишет: «Как известно, современная война – это война в первую очередь символов и смыслов. Для Москвы таким смыслом, бесспорно, является историческое наследие Древней Руси, к которому РФ, по правде говоря, имеет весьма отдалённое отношение, если не сказать прямо, что никакого. Однако именно эта пресловутая лживая преемственность (Древняя Русь – Московское царство – Российская империя – СССР – РФ) является основой из основ нынешней российской идеологии. И пока свою официальную историю РФ будет вести от Киева и Древней Ру-

---

¹ См.: Аксюмов Б.В. Российская цивилизационная идентичность: теоретические контуры и практические возможности // Научная мысль Кавказа. – 2015. – № 3 (83). – С. 23-30.

си, её агрессия в отношении Украины в том или ином смысле никуда и никогда не исчезнет. Вопрос лишь в её градусе желания и в необходимости оправдать дальнейшее продвижение «укреплением в исконных корнях»¹.

Если не принимать во внимание навязчивую для многих украинских политиков и мыслителей идею о «российской агрессии», в приведенном высказывании очевидна попытка представить всю российскую историю как лживую, основанную на обмане и подтасовке. Утверждение российской истории в качестве своеобразной фальшивки, мистификации служит важной идеологической цели – деконструкции самих основ «Русского мира». В результате подобной деконструкции, с одной стороны, появляется некая украинская цивилизация с тысячелетней историей, более древняя, чем российская, а с другой – сама российская цивилизация оказывается субстанцией с сомнительными и даже порочными азиатскими корнями. По утверждению небезызвестного героя Майдана А. Турчинова, «у украинцев было государство со столицей в Киеве еще задолго до возникновения Московского улуса Золотой Орды»². В этом смысле весьма своевременным и необходимым шагом было установление в Москве памятника Владимиру-Крестителю. Этим шагом Россия показала, что не собирается отказываться от своего собственного культурно-исторического наследия и воспринимает историю Древней Руси как свою или, по крайней мере, как общую историю трех славянских народов.

Представление о сущностном этнокультурном единстве русских, украинцев и белорусов было общим местом историографии в царской России и в Советском Союзе, эта идея остается характерной и для современной российской историографии. Историческая верификация «Русского мира» напрямую связана с представлением о единстве славянских народов, которые во времена Древней Руси состав-

---

¹ Алексей Дроздов. Украинское «хождение по граблям» против «русского мира» // Хвиля. [Электронный ресурс]. URL: <http://hvylya.net/analytics/politics/ukrainское-hozhdenie-po-grablyam-protiv-russkogo-mira.html> (дата обращения 20.05.2016).

² Турчинов прокомментировал заявление Медведева о том, что Украины не существует // Главком. [Электронный ресурс]. URL: <http://glavcom.ua/news/373476.html> (дата обращения 20.05.2016).

ляли один народ. Осуществляемые сегодня в украинской историографии атаки на историческое единство трех славянских народов, попытки представить украинскую самобытность как нечто исконное и при этом чуждое «русскости» направлены на деконструкцию «Русского мира», на подрыв его исторического бэкграунда.

Основным смыслом манипуляций с историей выступает вполне конкретная и вполне «современная» цель – доказать европейское в цивилизационном смысле происхождение Украины в противовес азиатским корням России. Из этой незатейливой дихотомии произрастает ряд важных следствий, некоторые из которых имеют не только символическое, но и вполне конкретное политическое и геополитическое значение. Одним из таких следствий является идея о том, что нынешняя граница между «цивилизированным миром» и «миром дикости и варварства» проходит не где-нибудь, а именно по линии государственной границы между Украиной и Россией. Значение гипотетической стены между Украиной и Россией приобретает мощный символический смысл, подобный по своей выразительности значению Берлинской стены времен «холодной войны».

Таким образом, учитывая важнейшее значение, которое историческое прошлое имеет для современной российской идентичности, процессы «изобретения традиций», происходящие сегодня на Украине, имеющей с Россией так много общего, достаточно существенно воздействуют на российскую идентичность, причем воздействуют негативно. В этой связи представляется целесообразным внести коррективы в российскую политику идентичности, особенно в части интерпретации исторического прошлого.

ПРОЕКТ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Аствацатурова М.А.

*ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»,
г. Пятигорск*

Проблема российской идентичности в ее многих смыслах в равной степени является проблемой политического, социального, мировоззренческого, а также и организационно-управленческого свойства¹. Проблематизация и противоречивость упрочения российской гражданской идентичности обусловлены многими объективными общеизвестными обстоятельствами, присущими магистральной российской социально-экономической и общественно-политической линии развития. Эти обстоятельства были усугублены распадом СССР, последующими конфликтами, элементами гражданской войны в пределах Российской Федерации, террористическим воздействием. Также они были дополнены общими конфликтными векторами постсоветского транзита, которые существенно затруднили формирование базовых основ российской идентичности в их новом демократическом выражении. Российское сообщество за последние 25 лет стало продуцентом и потребителем множества новаций демократического политического процесса – разделение властей, независимость суда, отсутствие обязательной государственной идеологии и цензуры, гражданское ассоциирование и др. Важнейшей новацией политики и управления стали институты президентства, нового политического класса, а также институт многопартийности, межпартийной конкуренции.

Сформировавшиеся новации в ходе политического транзита и посттранзита должны стать основой формирования и упрочения российской гражданской идентичности как идентификационного универсума для граждан Российской Федерации. При этом необходи-

---

¹ См.: Жаде З.А. Проблема идентичности в современных социальных теориях // Философия и общество. – 2007. – № 2 (46). – С.173-184.

мость единения российских граждан как гражданской нации, как субъекта международного права и источника власти очевидна. Она определяется как внутренними, так и внешними потребностями государства и общества, среди которых выделяются упрочение суверенитета, противостояние внешним неблагоприятным факторам, влияние на международную конъюнктуру. Также потребность в упрочении российской гражданской идентичности очевидна в связи с проблемными сторонами внутреннего развития страны. Это: снижение темпов роста, неблагоприятное состояние экономической и финансовой системы, падение уровня жизни и иные негативные явления, которые продолжаются с 2012-2014 гг.

Однако как показывает практика, упрочение российской гражданской идентичности встречает существенные препятствия, хотя идея гражданского единства в ее чистом виде вряд ли может быть подвергнута сомнению. Единство граждан для любой страны независимо от ее социально-экономического уклада, политической системы, формы правления является необходимым условием социально-экономической и общественно-политической динамики, общего социального прогресса. Гражданское единство формируется на базовых основах, значимость которых очевидна. Это: общая история, общие свершения и взаимопомощь, общие потери и победы, общие цели и общие усилия по их достижению.

Российский гражданский идентификационный комплекс является патриотическим комплексом, который отражает традиционную преданность россиянам государству и готовность пренебрегать своими личными интересами ради интересов государства¹. Самосознание российских граждан является государственным, так как историко-культурная и общественно-политическая практика развития отношений государства и общества подтверждает глубокую зависимость жителей (независимо от социального статуса) от правителя, граждан от власти, индивида от государственного аппарата. Во все исторические эпохи и в новейшее время миссия

---

¹ См.: Иванова С.Ю. Проблема патриотизма в поликультурных государствах // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-patriotizma-v-polikulturnyh-gosudarstvah>

Российского государства, роль власти и первых лиц власти являлись всеобъемлющими, глобальными как вовне, так и внутри. Российские граждане часто добровольно шли на жертвы во имя государства – его свободы и независимости, его экономического развития и устойчивости, его цивилизационного суверенитета и культурной самобытности. Массовые примеры энтузиазма, героизма, самопожертвования связаны именно с пониманием гражданами своих интересов как интересов государства и наоборот. Такое соотношение является веским аргументом для военного и гражданского подвига, для правовой и политической, а также и идеолого-мировоззренческой верности государству, его политической системе, а также и ее лидеру.

Казалось бы, при таких условиях путь консолидации россиян как гражданской нации должен быть прозрачным, достоверным и привлекательным¹. Однако близлежащие события демократического тренда послужили не консолидации, а разобщению российских граждан. Среди этих событий, выделим, прежде всего, принятие деклараций о государственном суверенитете союзными республиками и распад СССР. Травматическими факторами для российского общества стали катастрофические экономические реформы 90-х годов, августовский путч 1991 года, расстрел Верховного Совета Российской Федерации в ноябре 1993 года. Существенно дестабилизировали единство постсоветского общества развитие сепаратизма, суверенизация, сецессионные попытки, этнические конфликты в субъектах Российской Федерации. Также стоит назвать этнополитический и бытовой национализм, этнократизацию элит, вынужденные (часто эвакуационные) миграции населения.

К концу первого десятилетия 2000-х годов многие из перечисленных рисков либо были нейтрализованы, либо потеряли свою остроту под воздействием управленческо-организационных усилий федерального центра. Это позволило Российскому государству с 2012 г. актуализировать проблему народного и гражданского единства на основании более или менее сформулированных

---

¹ См.: Этнос, нация, ценности: Социально-философские исследования / Научные редакторы К.Х. Момджян, А.Ю. Антоновский. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация». – 2015. – 480 с.

принципов доктрины власти и управления¹. Они декларированы в известном цикле предвыборных материалов В.В. Путина в 2012 году. В статьях «*Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить*», «*Россия: национальный вопрос*» он осуществил поиск идеологических и мировоззренческих оснований единения общества на основе цивилизационного величия и исторического масштаба многокультурной России².

Нужно отметить, что с 2012 г. стал развиваться общественный, экспертный, информационный энтузиазм по поводу определения места и роли России в мире, значимости ее культуры и даже цивилизации, важности сохранения полиэтничного портрета страны. Во многом этот энтузиазм соотносился с ролью В.В. Путина, который с конца 90-х гг. проявил себя как ответственный политик, способный принимать значимые решения. Дальнейшие проекции отношений государства и общества строились на основе президентских идей, которые в целом отличались попаданием в политические и геополитические цели³. Постепенно сложилась и трансформировалась политическая доктрина В.В. Путина – «путинизм» – которая предусматривает независимость и суверенность внешнеполитического курса России, девауацию идеи однополярного мира с «Градом на холме» в лице США, а также упрочение «наших ценностей»⁴.

В этой связи проявились очевидные внешнеполитические основания упрочения российской гражданской идентичности, среди которых выделяется патриотизм оборонного характера. Значительными катализаторами такового стали санкции, недружественные акции в отношении Российской Федерации, информационные эскапады

---

¹ См.: Федякин А.В. Справедливое и сильное государство в образе России // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2009. – № 3. – С. 28-36.

² См.: Путин В.В. Россия сосредотачивается. Ориентиры. М.: ОЛМА Медиа Групп. – 2012. – 128 с.

³ См.: Карабущенко П.Л. Проблема идентичности и современные политические элиты России // Философия и практика этнического многообразия и единства России. Мат-лы Всероссийской научной конференции. Махачкала. 23-24 июня 2017 г. / Под ред. М.И. Билалова. – Махачкала: ООО РА МАГ. – 2017. – С. 194-199.

⁴ Чадаев А. Путин. Наши ценности. М.: Эксмо, 2018. – 216 с.

США, циклические обострения отношений с Грузией, Турцией, Украиной и рядом других европейских стран. Некая логика суверенного геополитического позиционирования, оправданная с точки зрения национальной безопасности и предотвращения «оранжевых сюжетов» породила новые формы старой «холодной войны».

Все это побуждает к выявлению ряда обстоятельств, которые затрудняют, скорый успех российского гражданского идентификационного целеполагания. Среди них:

Проблематичность современного идентификационного процесса в общем плане. С точки зрения семантики и понятийной операционализации сама категория идентичности является чрезвычайно сложной и непривлекательной к восприятию. Идентификационные тренды современности крайне сложны и многообразны по следствиям и резюмирующим обобщениям. В обществе, в том числе и в российском, состоялись многие содержательные и формальные смещения социальных идентификационных ролей – социальных, гендерных, профессиональных, возрастных и иных. Современные индивиды особенно в демократиях старого и нового образца далеки от идеи шовинистической преданности государству, власти, чиновникам. Они стремятся к экономической, социальной и политической независимости и открыто вступают в противоречия с государственными и силовыми структурами. События в Великобритании, Германии, Франции, Испании, Сирии свидетельствуют о том, что авторитет власти и государства весьма сомнителен, а гражданский идентификационный комплекс, во всяком случае, как комплекс государственный, терпит кризис. Напротив, в нем все более проступают свойства человека и гражданина как самостоятельного защитника своих прав и как оппонента государства.

Поэтому сам процесс отнесения индивида себя к нации как к гражданской идентификационной группе, в том числе и к российской нации, вызывает проблемы, непонимание, дискомфорт.

Самобытность идентификационных российских стержней. Российское общество характеризуется многими общемировыми параметрами, но с определенными допусками на консерватизм, российскую культурную традицию, гуманизм, коммунизм,

отзывчивость («всеотзывчивость») которые сохраняются¹. Российскими жителями гражданская идентификация реализуется, прежде всего, на экзистенциальном уровне. Это происходит за счет любви к Родине и к малой Родине (пейзаж, климат, ландшафт, топонимика, история, культура, семья, родственники). Российская гражданская идентичность запечатлена в высоких образах совместных побед, коллективных подвигов, общих праздников (народных, религиозных, государственных), прежде всего, победа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Также российская гражданская идентичность концентрируется вокруг значимых культурологических стержней – «Пушкин – наше все», «Русский балет» (а на самом деле российский), «Русский спорт» (а на самом деле российский). При этом крайне редуцировано правовое, политическое и собственно гражданское наполнение российского идентификационного комплекса в силу низкого уровня правовой и политической культуры, затрудненности гражданского активизма², зависимости гражданских инициатив от форматов власти и суверенности публичной политики в суверенной российской демократии.

Поэтому сам процесс самоопределения индивидом себя в рамках российской гражданской идентичности носит эмоционально-подвижный, ситуационно-неустойчивый характер.

Противоречивость гражданского, этнополитического и этнокультурного самоопределения. Полиэтничность Российской Федерации, которая сложилась исторически и которая политически оформлена принципами федерализма (асимметричного) выступает неизменным и неизбежным фактором идентификации индивидов и региональных сообществ, а также всего российского

---

¹ См.: Гражданское единство, этнокультурное и конфессиональное многообразие как ценностные основания и факторы консолидации российского общества (отечественные и зарубежные практики): мат-лы участников круглого стола с междунар. участием. Ростов-н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС. – 2018. – 512 с.

² См.: Синеокая Ю.В. Проблемы проектирования российской гражданской идентичности: ценностный аспект // Философия и практика этнического многообразия и единства России. Материалы Всероссийской научной конференции. Махачкала. 23-24 июня 2017 г. / Под ред. М.И. Билалова. Махачкала: ООО РА МАГ. – 2017. – С. 78-88.

общества в целом¹. «*Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года*» как доктринальный документ фиксирует проблематичность упрочения российской гражданской идентичности в диалектической двусторонней цели: укрепление гражданского единства и сохранение этнокультурного разнообразия народов страны². Очевидно, что в самой формулировке заложено как сущностное, так и политико-управленческое и организационное противоречие.

После преодоления множества этнополитических рисков и вызовов, после некоторой стабилизации межэтнических отношений и придания им инерционного управляемого состояния очевидными остаются их подвижность, зависимость от множества внешних факторов.

С одной стороны, россияне проявляют запрос на патриотизм, единство, верность государственному курсу и национальному лидеру в лице президента России. Отсюда поддержка олимпийского проекта, крымского проекта, внешнеполитического курса лидера страны, а также неприятие всяческих оппортунистических интеллектуальных и функциональных майданов и революций, примеры которых вызывают опасения и осуждение (Армения, Грузия, Франция, Украина).

С другой стороны россияне проявляют запрос на сохранение этнокультурных и этнополитических параметров, на развитие национальных (родных) языков и культур, на этнотерриториальные и этнократические преференции, на титульность, уникальность, реликтовость и этническую правосубъектность.

---

¹ См.: Попова С.В., Попов М.Е. Формирование общероссийской идентичности как условие социокультурной интеграции и безопасности в полиэтничном регионе // Этнические проблемы современности. Вып. 21. Научн. ред. В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов. Ставрополь: Изд-во СКФУ. – 2016. – С. 62-67.

² См.: Государственная этнонациональная политика. Документы и материалы. Выступления участников заседания Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации 22 апреля 2016 г. // Вестник российской нации. – 2016. – № 3 (48). – С. 187-225.

Поэтому сочетание российского гражданского и этнокультурного и этнополитического идентификационных параметров весьма противоречиво, содержит скрытые конфликтогенные факторы, дестабилизирующие триггеры, которые систематически выступают на авансцену общего гражданского процесса.

Указанные обстоятельства имеют свое выражение в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа (СКФО)¹. Не повторяя многочисленные профессиональные экспертные оценки современного состояния СКФО, в которых отмечены реальные позитивы северокавказского процесса, отметим, что проблема упрочения российской гражданской идентичности в сообществах округа остается актуальной². Она систематически акцентируется в связи с сохраняющимися террористическими вылазками и экстремистскими практиками, этническими конфликтами и конфликтными инцидентами этнополитической детерминации, этнократизацией власти и управления, проблемами региональной модернизации, социальных инноваций³.

Во-первых, присутствует либеральное отношение к радикальным религиозным учениям и практикам, оправдание агрессии догматами религии и веры, этническими интересами. Налицо политизация деятельности конфессиональных институтов и попытки формирования религиозных организаций по этническому принципу. Имеют хождение взаимные негативные стереотипы, агрессивные выпады между представителями разных народов и религий, в том числе в блогосфере и в интернет-пространстве.

---

¹ См.: Идентичности на Кавказе: от конфронтации к консолидации: материалы II Международного форума кавказоведов, Ростов-на-Дону, 19-22 ноября 2018 г. / Отв. ред. А.В. Сериков. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. – 390 с.

² См.: Паскачев А. Северный Кавказ: к единой российской нации // Вестник российской нации. – 2016. – № 3. – С. 94-103.

³ См.: Кононов В. Проблемы и перспективы реализации государственной инновационной политики современной России // Вестник российской нации. – 2015. – № 1. – С. 207-220; Албакова Ф. Культурно-антропологические основания региональной модернизации // Вестник российской нации. – 2016. – № 3. – С. 116-123.

Во-вторых, отмечается конфликтное восприятие сюжетов общей истории (этногенез, построение государственности, Кавказская война, установление советской власти, Великая Отечественная война 1941-1945 гг., государственные, религиозные и народные праздники и др.). Историко-культурное и мифологическое наследие, как и исторические события и персонажи являются предметами торга и споров, даже и предметом шантажа, как равно и состояние родных языков, которые имеют различные статусы (государственные, язык малочисленного народа) и перспективы бытования.

В-третьих, национальные вопросы (условно: *черкесский, ногайский, карачаево-балкарский, осетино-ингушский, ауховский, казачий, русский, диаспорный*) канализированы, но не решены. Они не могут быть решены путем административно-бюрократических процедур, но также и путем самостийных форумных инициатив этнических сообществ. Налицо противоречия в связи с проведением реформы местного самоуправления и со строительством культовых зданий, противоречия внутри религиозных институтов и между религиозными институтами и органами власти.

Эти и иные обстоятельства провоцируют невосприятие российскости как политико-управленческой идеи федерального центра и непонимание приоритетов гражданской принадлежности. Зачастую отмечается восприятие российской гражданской идентичности как угрозы этнической идентичности¹, что рождает недовольство властью и скепсис в отношении государства. Наблюдаются стремления к построению альтернативного «справедливого, не коррупционного и неолигархического государства и праведного общества». Распространяется вторжение религиозных практик в общественно-политические

---

¹ См.: Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе (второе полугодие и итоги 2018 года): экспертный доклад: научное монографическое издание / [Р. И. Абакаров, В. А. Авксентьев, А. З. Адиев и др.]; под общей редакцией В. А. Тишкова; отв. ред. М.А. Аствацатурова. Распределенный научный центр межнациональных и религиозных проблем [и др.]. – Москва [и др.]: ПГУ, 2018. – 153 с.

и политико-управленческие, образовательные и иные практики светского государства. В отдельных случаях замечено проецирование недовольства федеральной и окружной властью на русское население Северо-Кавказского федерального округа¹.

Некоторые обобщения и рекомендации

Проблемы Северо-Кавказского федерального округа имеют, во многом, социально-экономические причины, что закономерно для дотационных субъектов Российской Федерации. Чрезвычайно остра проблема земельных отношений, снижения безработицы и трудоустройства, доступности жилья, обеспечения достойного уровня жизни населения. Также остры вопросы обеспечения эффективной и добросовестной деятельности власти, повышения качества государственных муниципальных и социальных услуг. В условиях снижения уровня жизни, отсутствия интегрирующих социально-экономических проектов, существенной разницы в доходах и социальном обеспечении и в социальных перспективах, при действиях клановых этнократических структур управления, при этноконфессиональной архаизации многих сторон жизни, при сужении самостоятельности гражданского общества и подконтрольности «публичной политики» сложно проводить в жизнь проект российской гражданской идентичности.

В связи с этим усилия власти и органов местного самоуправления должны быть направлены на:

- популяризацию преимуществ и приоритетов российской гражданской идентичности как важнейшего политико-управленческого проекта;
- обеспечение профессионального сопровождения и публичного обсуждения политических решений в сфере межэтнических отношений;
- оптимизацию этноконфессиональной самобытности в ходе воплощения консервативно-охранительной доктрины этнополитики Российской Федерации;

---

¹ См.: Аствацатурова М., Джафаров Ш. Современные северокавказские проекции упрочения единства российской гражданской нации // Вестник российской нации. – 2016. – № 3 (48). – С. 104-115.

- противостояние клерикализации общественно-политических, политико-управленческих процессов при упрочении светского права и правоприменения;
- модернизацию историко-культурной традиции сосуществования субъектов северокавказского сообщества как полиэтничного и поликонфессионального;
- обновление регламентов народной дипломатии, общественно-го договора, межкультурного компромисса, сотрудничества;
- ограждение регионального сообщества от геополитизации межэтнических отношений, от провокационного международного вмешательства во внутренние процессы;
- применение наряду с реактивными технологиями проактивных (профилактические) технологий разрешения межэтнических противоречий и этнических конфликтов.

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Багдасарова А.Б.

*ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Ставрополь*

Необходимость укрепления единства российской нации, формирования гражданской идентичности, гармонизации межэтнических отношений подчеркивается в важнейших нормативных документах, принятых в Российской Федерации, таких как: «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», «Национальная доктрина образования в Российской Федерации на период до 2025 года», Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» (2014–2020 гг.) и других. В многонациональном государстве, каковым является Российская Федерация, гражданская идентичность выступает механизмом адаптации личности в современном гражданском обществе; механизмом, который позволяет уменьшить противоречия, возникающие на основе религиозных, этнических, культурных и социальных различий между людьми.

Образовательная политика Российской Федерации отражает как общегосударственные, так и национально-культурные интересы в сфере образования, и учитывает общие тенденции мирового развития. Системе образования отводится существенная роль в консолидации российского общества, так как она призвана обеспечивать духовно-нравственное развитие и воспитание личности с целью формирования у молодежи гражданственности, патриотизма и принятия общечеловеческих ценностей. В Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 годы» обозначена миссия системы образования Российской Федерации – консолидация российской гражданской нации, и укрепление единства страны.

Формирование гражданской идентичности является одной из приоритетных целей, обозначенных в Федеральных государственных образовательных стандартах общего образования. Говоря о гражданской идентичности в контексте ФГОС, следует иметь в виду общероссийскую гражданскую идентичность. Ее основу составляет общее для граждан Российской Федерации осознание своего российского гражданства, принадлежности к российской нации. При этом следует заметить, что российская нация понимается как гражданская общность, объединяющая различные этнические группы, проживающие в пределах Российской Федерации при сохранении ими своей национально-культурной самобытности. Одной из основ формирования российской гражданской идентичности является такая система образования, которая способна воспитывать преемственность поколений, обеспечивая открытость для взаимодействия с другими культурами и современное цивилизационное развитие нации¹.

В современных условиях формирование гражданской идентичности призвано обеспечить интеграцию, единство и целостность самосознания личности как гражданина поликультурного общества на основе общечеловеческих нравственных ценностей. Исходя из этого, характеристика выпускника вуза предполагает не только освоение знаний, умений и навыков в избранной им области профессиональной деятельности, но также способность и готовность человека к эффективной и продуктивной деятельности в различных социально-значимых ситуациях.

В число факторов, способствующих формированию гражданской идентичности, входят:

- общее историческое прошлое и существование данной общности, которое воспроизводится в мифах, легендах и символах;
- самоназвание гражданской общности;
- общий язык, являющийся средством коммуникации;
- общая культура (политическая, правовая, экономическая);

---

¹ См.: Жаде З.А. Образовательная среда как пространство формирования российской идентичности. [Электронный ресурс]. – URL: https://revolution.allbest.ru/pedagogics/00863975_0.html (дата обращения 11.09.2018).

● переживание данным сообществом совместных эмоциональных состояний, связанных с реальными ситуациями в стране¹.

На протяжении веков Россия формировалась как многонациональное и многоконфессиональное государство, начиная с процесса собирания земель, присоединения различных народов и заканчивая становлением современной российской нации. Народы России имеют общую историческую судьбу и интегрируются как многонациональный российский народ. На территории Российской Федерации проживает более 190 народов и этнических групп, обладающих своей уникальной традиционной культурой, и каждый из этих народов внес свой вклад в формирование и развитие уникальной культуры России.

Следует заметить, что важнейшим условием развития современной России, формирования ее гражданского и национального единства становится определение национально-культурной идентичности россиян. Как отмечают Г.Ю. Литвинцева и Ю.М. Пашедко, национально-культурная идентичность основывается, прежде всего, на территориальном и языковом единстве и общности письменности, религии, закона и экономического интереса². Национально-культурная идентичность представляет собой осознание принадлежности к национальной культуре, в рамках которой происходит «объединение всех граждан единой идеологией, принимаемой всеми и всеми же поддерживаемой – вне зависимости от происхождения и вероисповедания»³. Причем, национально-культурная идентичность понимается не как «национальность» (то есть «этничность»), а как гражданственность, а национальная культура – не как этническая культура, а как культура, формирующая гражданское и национальное единство. Национальная куль-

---

¹ См.: Монастырский Д. В. Гражданская идентичность: теоретические подходы к исследованию и формирующие ее факторы // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Том. 23. – № 1. – С. 181-188.

² См.: Литвинцева Г.Ю., Пашедко Ю.М. Русская культура как основа национальной идентичности россиян // Международный научно-исследовательский журнал. Выпуск № 11(65). Ч. 1. Ноябрь 2017. – С. 31-33.

³ Культура как фактор модернизации России: Коллективная монография / отв. ред. А. В. Костина. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2015. – С. 206.

тура, являясь основой национально-культурной идентичности, выступает важнейшим фактором, который определяет развитие межкультурной коммуникации, диалога культур, социально-политического, социально-экономического и социально-культурного партнерства цивилизаций в условиях глобального мира. Национальная культура – это своего рода национальная память народа. В национальной культуре находит отражение неповторимость и самобытность того или иного народа. Национальная культура способствует объединению разных поколений представителей одного народа.

Для россиян культурная идентичность имеет большую значимость, чем идентичность политическая. Культурная идентичность, которая проявляется, прежде всего, в языковой общности, возможности общаться на одном языке, в России проявляется сильнее, чем во многих других полиэтнических государствах. «Сама же национальная культура в России, соответственно, соотносится не только с политической и экономической сферами ее развития, где однородность нации обеспечивается государством через предоставление гражданства представителям различных сообществ, но и со сферой культуры, создающей общий “культурный фон”, связанный с сакрализацией значимых исторических событий и имен, совокупностью позитивных социальных символов, поддержанием традиционных ценностей и смыслов культуры, которые формируются в длительном процессе ее генезиса и передаются через образовательные учреждения, через каналы массовой коммуникации и массовой культуры»¹.

Национальная культура России включает в себя:

- материальные и духовные ценности народа, созданные им в ходе его исторического развития;
- способ жизнедеятельности и мироустройства народа;
- своеобразие жизни народа в конкретных природно-географических, исторических и этносоциальных условиях;

---

¹ К обсуждению проекта «Основ государственной культурной политики». 21 июня 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://sec.chgik.ru/k-obsuzhdeniyu-proekta-osnov-gosudarstvennoy-kulturnoy-politiki/> (дата обращения 11.09.2018).

– религию, мифологию, науку, искусство, политику в их конкретно-историческом проявлении;

– совокупность социальных норм, законов, обычаев и традиций;

– способности, потребности, знания, умения, социальные чувства и мировоззрение народов России¹.

В настоящее время в Северо-Кавказском федеральном университете реализуется стратегический проект «Российская гражданская и цивилизационная идентичность». Теоретическую и практическую основу деятельности по формированию российской гражданской и цивилизационной идентичности составили многолетние научные разработки ведущих ученых университета в области этнологии, этнической и региональной конфликтологии, этносоциальных проблем и этнокультурных процессов.

Основным механизмом реализации данного проекта является разработка и включение в учебный процесс дисциплин, тематика которых направлена на формирование российской гражданской и цивилизационной идентичности, патриотизма, культуры межнационального и межконфессионального общения. При решении задач формирования у студентов российской гражданской идентичности в Северо-Кавказском федеральном университете особое внимание уделяется качеству овладения студентами коммуникативными ресурсами русского языка как государственного, повышению их функциональной грамотности и культуры русской речи.

В числе дисциплин, входящих в междисциплинарный образовательный модуль: «Личность в пространстве российской цивилизации» (реализуется в качестве обязательной дисциплины для студентов всех направлений подготовки университета), «История государственных символов России», «Современный российский патриотизм», «Этнология Юга России», «Северный Кавказ в истории России», «Культура межнационального общения», «Теория и практика совершенствования межнациональных отношений на Северном Кавказе», «Основы социокультурной адаптации и интеграции», «Право-

---

¹ Рождественский П. В. Русская культура: понятие, генезис, самобытность, амбивалентность. II. Исторические условия и особенности формирования русской национальной культуры. [Электронный ресурс]. – URL: <https://refdb.ru/look/2163036-p3.html> (дата обращения 25.08.2019).

вая культура» и др. (реализуются в качестве факультативов). Указанные дисциплины обеспечены учебно-методическими комплексами, которые прошли апробацию в учебном процессе.

Подводя итоги, можно отметить, что для современной России особую актуальность приобретают вопросы, связанные с укреплением единства российской нации при обеспечении этнокультурного развития всех народов Российской Федерации. Важнейшую миссию по консолидации российской гражданской нации и укреплению единства страны призвана выполнить система образования, в задачи которой входит формирование российской гражданской идентичности, соответствующей историческим традициям, современному устройству и перспективам укрепления и развития Российской Федерации.

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

Вшивцева Л.Н.

*ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Ставрополь*

В настоящее время Северный Кавказ в меньшей степени, чем другие регионы, соответствует тенденциям цивилизационного развития России. Высокий уровень межэтнической напряженности и конфликтности детерминирован не только экономическими и политическими, но и культурными процессами. «Это касается, прежде всего, ценностно-идеологического ряда, отношения к религии, мировоззрения, менталитета»¹. По своей природе и содержанию этнокультурные и конфессиональные различия не являются конфликтогенами, они актуализируют перевод любого конфликта в этническую плоскость. Культурный окрас многих конфликтов и напряжений на Северном Кавказе, их сосредоточенность в духовной сфере позволяют говорить о вовлечении региона в конфликт цивилизаций, происходящий не только на его территории, но и по всей России в тех случаях, когда в конфликт вовлечены «лица кавказской национальности».

Рассмотрение Северного Кавказа в рамках концепции «конфликта цивилизаций» было предпринято рядом ученых: Б.В. Аксюмовым, А.В. Лубским, В.В. Черноусом и др. В рамках этой концепции Северный Кавказ интерпретируется как составная часть «метарегиона нестабильности», Россия – как core states (сердцевинное государство) православной цивилизации, а процессы на Северном Кавказе рассматриваются как столкновение российского государства с этническими группами, принадлежащими к другой цивилизации. Некото-

---

¹ Авксентьев В.А., Васильченко В.А., Маслова Т.Ф., Лепилкина О.И. Этнополитические основания системного менеджмента на Северном Кавказе. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – С. 125.

рые исследователи (Р.Г. Абдулатипов, А.А. Анিকেев, А.Ю. Шадже, В.В. Черноус и др.) при этом полагают, что существует особая кавказская цивилизация. Другие считают, что «речь идет о столкновении российского государства с народами, принадлежащими к мусульманской цивилизации. В связи с этим события на Северном Кавказе интерпретируются как межцивилизационный конфликт локального характера, возникший по линии разлома между православной и исламской цивилизациями»¹.

С позиций автора концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, важнейшими основаниями конфликта цивилизаций на Северном Кавказе будут выступать как сходства, так и различия между христианством и исламом². Однако многие ученые-кавказеды (В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, А.В. Лубский) не согласны с данной позицией, и главные причины социокультурного раскола между «национальными» республиками Северного Кавказа и «русскими» краями и областями усматривают не в религиозных, а в этнокультурных различиях.

На наш взгляд, использование концепции «конфликта цивилизаций» в качестве научной парадигмы для объяснения процессов, происходящих на Северном Кавказе, при всей ее методологической значимости, не совсем верно, так как в ней данный регион рассматривается отдельно от России, сама же она предстает не как страна-цивилизация, а как страна цивилизаций. В этом смысле серьезным потенциалом обладает концепция «лимеса», в которой Северный Кавказ – пусть и проблемная периферийная зона, но неотъемлемая часть России как единой, уникальной, самобытной полиэтничной страны-цивилизации.

На сегодняшний день основная ставка в преодолении социокультурного раскола, и как следствие, снятия межэтнической напряженности, делается на формирование российской цивилиза-

---

¹ Лубский А.В. Факторы этнической конфликтогенности на Юге России: методологические проблемы исследования // Южный федеральный округ: динамика межэтнических отношений в меняющемся этнополитическом пространстве: материалы научно-практической конференции. – Ростов н/Д. – Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2009. – С. 47.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 330.

ционной идентичности и политику толерантности. Главная идея концепции толерантности, по нашему мнению, состоит в признании ценности различий. На практике эта установка часто приводит к абсолютизации различий за счет «снятия» и игнорирования общих, объединяющих, консолидирующих моментов, на основе которых только и возможно сформировать единую идентичность, а, следовательно, сформировать единый народ. Например, в случае с северокавказским социумом «толерантные» установки на абсолютизацию различий способствуют явному приоритету этноконфессиональной идентичности над общероссийской. Этноконфессиональное содержание того или иного этноса как дифференцирующее качество абсолютизируется и даже сакрализуется, тогда как цивилизационный статус этноса в качестве части России становится менее существенным.

В структуре российской цивилизационной идентичности, в отличие от толерантности, заметны общероссийские проекции: коллективные нормы жизни, всеотзывчивость, взаимопомощь, общинная мораль, коммуналистическая нравственность и этика, равнодушие к социальной, экономической и политической конкуренции, несклонность к массовым акциям агрессии. Все это несопоставимо с западноевропейской идеей толерантности, основанной на индивидуализме, комфорте, личной свободе. Главные плюсы российской цивилизационной идентичности в практическом плане в том, что она акцентирует не наши различия, что связано с идеей толерантности, а наши общности. Известный конфликтолог В.А. Авксентьев отмечает, что «конфликтология не отвергает толерантность, но рассматривает ее как частный вспомогательный компонент, используемый на этапе ранней профилактики, либо, что еще более продуктивно, на этапе постконфликтной реабилитации наряду со многими другими формами работы»¹. Справедливое экспертное мнение наталкивает на необходимость поиска альтер-

---

¹ Авксентьев В.А. Конфликтология и толерантность: к вопросу о подходах к анализу этнических проблем и конфликтов на Северном Кавказе // Региональные конфликты в контексте глобализации и становления культуры мира: сборник научных материалов. – М. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. – С. 281.

нативы толерантности, которой должна выступить российская цивилизационная идентичность.

Современная конфликтология относит российскую цивилизационную идентичность к эффективному основанию для снятия высокого уровня межэтнической напряженности и конфликтности, основанию для преодоления социокультурного раскола на Северном Кавказе. Идентичность в данном контексте предполагает единство цивилизационного пространства России и Северного Кавказа, значимость общих, а не отличных культурных черт. Важно подчеркнуть, что модель цивилизационной идентичности предполагает органичное соединение различий и особенностей этнокультур. Однако, в отличие от политики толерантности, они не абсолютизируются, не являются высшей ценностью, не возводятся в приоритет над общими консолидирующими основаниями российского общества. Политика толерантности, основанная на абсолютизации различий, детерминировала рост значимости этноконфессиональной идентичности, которая в условиях полиэтничного социума является дезинтегрирующим началом. Российская цивилизационная идентичность, базирующаяся на общероссийских ценностях и установках, складывающихся столетиями, является основой национального единства страны.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть, что в условиях социокультурного раскола Северо-Кавказского региона и России ставка на политику мультикультурализма и идеологию толерантности еще больше усугубит это разобщение, сделает процессы дезинтеграции необратимыми. В отношении Северо-Кавказского региона необходимо вести очень продуманную экономическую, социальную, культурную и национальную политику, направленную на создание условий для его интеграции в общероссийское пространство. Важнейшими из них являются экономическая и социокультурная модернизация, формирование российской цивилизационной идентичности, определение национальной идеи и цивилизационной идеологии государства.

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Гриценко Г.Д.

*ФГБУН Федеральный исследовательский центр
«Южный научный центр РАН»,
г. Ставрополь*

Тот, кто зачеркивает память,
На будущее ставит крест.
А. Абрамов

Приближение судьбоносного события – 75-летия со Дня Победы в Великой Отечественной войне – актуализирует вопрос о социализирующем воздействии на современную молодежь, в частности студенчество, этой знаковой исторической вехи. Важно понять, насколько социальная память как память общества об исторических событиях помогает человеку осознать свою принадлежность к конкретному социуму, обусловленную психологической потребностью индивида в социальной адаптации к этому социуму, а также рассматривать себя как часть этого сообщества. В этом контексте актуализируется вопрос об идентификационном потенциале социальной памяти.

В этой связи целесообразно провести небольшой категориальный анализ. Термин идентичность относительно недавно вошел в отечественный социально-гуманитарный дискурс, хотя научный интерес к самому феномену имеет долгую историю. Согласно устоявшейся исследовательской традиции, основные параметры идентичности как важной универсалии бытия и сознания проявляются на двух уровнях: 1) индивидуально-психологическом и

---

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ПФИ Президиума РАН № 20 «Новые вызовы климатической системы Земли», № гр. проекта АААА-А18-118011990322-1.

2) социально-культурном¹. «Открытие» социально-культурной природы идентичности составило фундаментальное основание последующих междисциплинарных исследований, в проблемном пространстве которых был синтезирован концепт социальной идентичности, включающий в своё содержание эмоционально окрашенное осознание и переживание человеком своей принадлежности к конкретному сообществу. Природа этой принадлежности получила осмысление в психологических теориях и объяснена стремлением к упорядочению представлений человека о своём месте в мире; подсознательным стремлением человека к обретению тождества с окружающим миром, которое достигается путём «партиципационного переживания» единства с определенной социальной группой². Социальная идентичность может проявляться как в индивидуальной, так и в коллективной формах, воплощая, по выражению С. Хантингтона, «индивидуальный или групповой смысл себя»³. Коллективная форма социальной идентичности формируется на уровне саморефлексии социума, фиксирует коллективные представления, переживания сопричастности определенной социальной группе и манифестируется посредством набора маркирующих признаков, с помощью которых общество в целом или его отдельные группы демонстрируют свои специфику и единство. Это язык, мифы, религия, идеология, обычаи, ритуалы и многое другое, что является составными частями **культурного наследия** как одного из слоев **социальной памяти**.

Осмысление содержания идентичности и уточнение его структуры позволили определить идентичность как сложный социально-психологический феномен, содержание которого определяется синтезом следующих компонентов: 1) чувственно-инстинктивного (комплекс чувств и эмоциональных переживаний по поводу принадлежности к «своей» социокультурной общно-

---

¹ Малыгина И. В. В лабиринтах самоопределения: опыт рефлексии на тему этнокультурной идентичности. – М.: Изд-во МГУКИ, 2005. – 282 с.

² Малыгина И. В., Артюшкина В. В. Идентификационный потенциал праздничной культуры // Вестник МГУКИ (Московского государственного университета культуры и искусств). – 2016. – № 6 (74). – С. 33.

³ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. – М.: АСТ. Транзиткнига, 2004. – 237 с.

сти); 2) рационального (совокупность рефлексивных процессов, образующих национальное самосознание); 3) ментального (латентный, глубинный пласт социокультурной идентичности, образуемый специфическими для данной культуры видением и восприятием мира)¹. В своей совокупности самосознание, чувства и ментальность формируют поведенческий аспект идентичности, который включает в себя различные исторически-обусловленные и культурно-целесообразные формы репрезентации и манифестации принадлежности к данной социокультурной общности (на индивидуальном уровне) и ее единства и целостности (на коллективном уровне)², самыми архаическими и устойчивыми из которых является **социальное бессознательное** как глубинный слой социальной памяти. Это выступает тем идентификационным потенциалом, который обеспечивает взаимообусловленность и взаимозависимость социальной идентичности и социальной памяти.

Социальная память всегда воспринималась как память народа о культурно-исторических апробированных образцах социального воспитания человека. Она способствует осмыслению человеком своего «Я» в культурно-историческом процессе собственного Отечества, понимания нашего «Мы» в социокультурном сообществе страны и общечеловеческой цивилизации. Социальная память есть знание о судьбоносных событиях Родины, жизни выдающихся деятелей политики и науки, техники и искусства, внесших фундаментальный вклад в прогрессивное развитие Отечества.

Социальная память воспроизводит непрерывность и преемственность социального Бытия и рассматривается в качестве одного из мощных регуляторов общественной жизни. В настоящее время, когда в российском обществе происходит трансформация социальных институтов и нравственных регуляторов поведения, когда продолжает формироваться новая политическая система об-

---

¹ Малыгина И. В., Артюшкина В. В. Идентификационный потенциал праздничной культуры // Вестник МГУКИ (Московского государственного университета культуры и искусств). – 2016. – № 6 (74). – С. 34.

² Малыгина И. В. Этнокультурная идентичность: структура и исторические формы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2005. – № 2. – С. 13-18.

щества и преобразуются отношения между гражданами и государством, возрастает роль социальной памяти как фактора формирования общенациональной идентичности граждан страны и укрепления национального самосознания.

Именно сегодня, в условиях массового со стороны Запада стремления пересмотреть, переписать результаты новейшей истории с целью возвеличивания роли западных стран и принижения значимости СССР, России, становится очевидным, что только на основе обращения к культурно-историческому процессу можно овладеть всем опытом развития цивилизации, всеми ценностями общечеловеческой культуры и одновременно ощутить самобытность своей Родины, проследить, как Россия впитывала на протяжении веков все лучшее, что было создано в мире, и сама обогащала человечество своими достижениями.

В этой ситуации актуализируется мысль Августина Аврелия, высказанная им в «Исповеди»: «Есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего, настоящее будущего. Эти три времени существуют в нашей душе и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего – это память, настоящее настоящего – его непосредственное созерцание, настоящее будущего – его ожидание»¹.

Социальная память становится отчетливой силой, особенно во времена предельных испытаний, выпадающих на долю людей. Человеку необходимо ощущать себя в истории, понимать свое значение в современной жизни, оставить о себе добрую память. По этому поводу Д.С. Лихачев писал: «Память противостоит уничтожающей силе времени. Память – преодоление времени, преодоление пространства. Память – основа совести и нравственности, память – основа культуры. Хранить память, беречь память – это наш нравственный долг перед самим собой и перед потомками. Память наше богатство»². Из этого можно заключить, что без социальной памяти нет настоящего и нет будущего. В качестве примера можно

---

¹ Августин А. Исповедь. – М., 1998. – С. 26.

² Память как «бестелесная духовная субстанция» [Иконникова С.Н. Историческая память как духовный ресурс цивилизации] // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения. СПб., 2008. – С. 194.

привести один из самых значимых в России с точки зрения идентификационного потенциала праздник, связанный с выдающимися достижениями советской науки – День космонавтики. Ведь подобные праздники стимулировали социальный оптимизм, устремленность к будущим успехам, что придавало советской идентичности позитивную окраску, поскольку ее основанием становились победы и достижения советского народа – прорыв советского человека в космос. С помощью таких социально значимых событий формировались коллективные представления, значимые для единства и целостности государства и общества. Следовательно, в определенной степени именно содержание социальной памяти определяет современные темпы социально-политического, экономического и культурного развития страны.

Однако в памяти людей аккумулируются представления не только о героических событиях отечественной истории, о выдающихся деятелях и ярких достижениях страны, но и картины бесславных войн, кровавых репрессий, социальных невзгод, повлекших большие нравственные, человеческие и материальные потери.

Социальная память не есть механическое повторение и воспроизведение прошлого, это отражение сложности и неоднозначности человеческих отношений, изменения духовных ценностей и личных позиций, влияния субъективных мнений. Об этом свидетельствуют «белые пятна» и «черные дыры» в мировой и отечественной истории.

Кроме этого в социальной памяти отражаются и воспроизводятся альтернативные пути развития истории как нереализованные возможности. Воспоминания воссоздают контуры возможных событий, тем самым высвобождая скрытую эмоциональную энергию. Альтернативные тропинки в прошлое помогают восстановить утраченные миры¹. Эта сторона социальной памяти может свидетельствовать о своеобразной «сублимации» поисков идентичности в условиях кризиса традиционных для российского общества ценностей и размывания образов идентичности, в частности забвения

---

¹ Иконникова С.Н. Историческая память как духовный ресурс цивилизации // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения. СПб., 2008. – С. 195.

традиций народной культуры и отсутствия единых гражданских ценностей и идеалов и т.д.

Социальная память – источник, широкий спектр эмоциональных и психологических переживаний человека: восхищения и пренебрежения, поклонения и поругания, благоговения и презрения, радости и скорби, сострадания и равнодушия, величия и ничтожества, страдания и наслаждения, уверенности и скептицизма.

Двойственная природа социальной памяти, отражающая противоречивость реальной жизни, два лика памяти, воспроизводящие прошлое и придающие ему многообразие оттенков – от почтения до цинизма, обуславливают превращение социальной памяти в арену идеологических конфликтов, душевных драм и трагедий.

Нынешнее время в определенной степени может быть определено как время «переосмысления» истории с негативной коннотацией. Сегодня часть нашего российского общества вслед за «торжествующем» Западом стремится абсолютизировать то негативное, что есть в культурно-историческом прошлом любого народа и любой страны, и возвести его в единственно истинное прочтение многовековой российской истории. В этой связи появляются указания на то, что следует помнить, воссоздавать в дискурсе, а о чем необходимо молчать, что надо забыть, исключить из памяти, обречь на забвения. Ирония и насмешка разрывают хрупкую нить исторической памяти. Изменяется энергетический потенциал культуры. Великие «отцы» становятся забытыми «дедами», новые памятники противоречат прежним ценностным ориентирам, мемориалы становятся бесхозными, книги оказываются ненужными. Именно поэтому важно актуализировать интеграционный потенциал нашей социальной памяти. В этой связи актуальны как никогда слова Д.С. Лихачева о «священности памяти истории», которая «преподает» уроки единения народа, какие бы тяжелые и бесславные времена он не переживал. В настоящее время в результате реформирования исторического процесса все меньше остается событий, сохранивших идентификационный потенциал. Одним из таких проявлений социальной памяти является память о Победе в Великой Отечественной войне, во Второй мировой войне. И этим необходимо воспользоваться максимально полно, но и максимально правдиво.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Груднев В.О.

*ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Ставрополь*

Молодежь, являясь особой и довольно значимой для России социально-демографической группой населения, своеобразным стратегическим ресурсом во все периоды исторического развития страны стояла у истоков социально-политических и экономических изменений в обществе. Такое явление можно наблюдать и сегодня, особенно когда мы говорим о формировании гражданской идентичности в России¹. Потому что именно молодежь способна сегодня сформировать её, ассоциировать себя с государством, с тем, что каждое действие или бездействие молодого человека, так или иначе, отразится на будущем России. Формирование гражданской идентичности необходимо, в-первую очередь, как одно из предпосылок развития в Российской Федерации гражданского общества. Это явление можно проследить через наличие политической воли молодых людей и растущей политической активности. Молодые люди все чаще находят стимулы для участия в политической деятельности и стремятся проявлять активность, однако такое развитие происходит довольно медленно, большая часть молодежи видит свое предназначение в качестве электората, но и в данном случае только происходит этот перелом, между абсентеизмом и активным участием в подобных процессах.

Само осознание принадлежности к определенной гражданской общности всегда происходит одновременно с формированием представлений о её идентифицирующих признаках, о гражданстве

---

¹ Хасуев А.Э. Социально-философский анализ понятий молодежь и молодость // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 2-7. – С. 1574-1578. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37197> (дата обращения 05.10.2019).

и характере внутренних отношений между самим гражданином и государством. Для этого должны быть доверительные отношения между человеком, обществом и государством. Гражданская идентичность в сознании человека должна находить отражение в первую очередь как образ государства, его территории, исторических, культурных, политических и других особенностей. Негативное или позитивное отношение, сформированное у человека к факту своей гражданской принадлежности, во многом определяет его понимание своей роли в политических процессах, происходящих в стране.

Очень важную роль в формировании гражданина играют образование и идеология. Ценности формируются изнутри, поэтому главное направление политической активности молодежи – это создание той среды, где каждый определяет свои действия, как действия на благо государства и общества. Однако нельзя совмещать политическую активность молодежи как проявления гражданской идентичности с протестными выступлениями, потому что они преследуют разные цели и используют разные механизмы. Нужно понимать, где та грань, когда политическая активность направлена на развитие гражданской идентичности, а когда используется в качестве механизма для удовлетворения противозаконных потребностей определенных групп лиц. Зачастую молодые люди в России политически неграмотны и именно из-за этого могут попасть под негативное влияние.

Молодым россиянам отводится важнейшая роль в процессах выхода российского государства из кризисного состояния, подрывающего стабильность общества, нарушающего его структурную целостность. В современной России молодежь составляет примерно пятую часть от всей численности населения и именно ей отводится главная роль в осуществлении предстоящих социальных перемен. Современная молодежь становится гарантом возрождения государства в XXI веке в соответствии с ориентирами экономической и геополитической доктрин России.

Таким образом, гражданская идентичность формируется и проявляется среди молодежи в тот момент, когда её политическая деятельность направлена на созидательные акты, а гражданин и общество, понимая свою принадлежность и единство с государ-

ством, ответственно подходят к своим действиям. В то же время государство должно узаконить идеологические принципы всеобщего блага и обеспечить их реализацию. В таком случае, формирование российской гражданской идентичности завершится в кратчайшие сроки.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Желнакова Н.Ю.

*ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Ставрополь*

Кардинальные изменения в социально-экономической и институциональной сферах современной России, разрушение прежних ценностных основ существования государства, реалии глобализации неизбежно повлияли на степень и направленность самоидентификации личности, социальной группы и общества в целом. Между тем, проблема идентичности, ее формирования и динамики, исключительно важна, так как ее специфика, масштабность и интенсивность определяют ориентацию и мобилизацию населения. Самоидентификация любого уровня должна опираться на эффективную структуру ценностей, которые способны сформировать ощущаемую социальной группой систему особых черт, отличающую ее от других. Ценности, в свою очередь, должны не только отражать сложившиеся в обществе традиции и социальные практики, но и подвергаться определенному пересмотру и трансформации. Именно на данной основе возможно формирование устойчивой и гибкой идентификационной основы существования и развития общества и государства.

Сложный исторический и социокультурный контекст формирования и динамики российской идентичности предопределяет и то состояние кризиса, в котором она находится. Специфика изменений последних десятилетий породила ряд проблем в ценностно-нормативном и институциональном обеспечении процесса идентификации. Известно, что изменения в общественном сознании происходят значительно медленнее, чем трансформация институциональной сферы; выработка объединяющей идеологии, отражающей национальную идею и отвечающую интересам различных социальных групп, требует определенного времени и целенаправленных усилий. Отсутствие концептуального выражения фактически существующего

единства страны осложняется и недостаточной развитостью институтов и отношений гражданского общества. На механизмы формирования и поддержания идентичности воздействуют и технологические последствия глобализации – постоянный рост информационных потоков, значительное усиление влияния на массовое сознание телевидения и Интернета. Причем, Интернет, будучи важнейшим агентом социализации, особенно в молодежной среде, неизбежно вытесняет влияние традиционных институтов – семьи, школы, творческих и спортивных объединений и т.п. В связи с этим самоопределение индивида вне виртуального пространства зачастую осложняется отсутствием четких идейных представлений и общественно-политических приоритетов.

Распад советской модели консолидации активизировал составительные потоки социализации, представляющие различного рода групповые ценности и приоритеты. Усиление этнического, конфессионального, фамильно-кланового вариантов идентичности, предоставляющих индивиду традиционные ценности и апробированные модели поведения, также является своеобразным ответом унификации и стандартизации массового сознания и поведения в эпоху глобализации. Возрастание значимости локальных solidarностей предопределяется, в том числе, поликультурностью российского общества, что, безусловно, является одним из наиболее характерных его качеств. Интенсивные межгрупповые взаимодействия в рамках поликультурного пространства неизбежно сопровождаются противопоставлением и столкновением ценностных систем, что, в свою очередь, приводит к актуализации этнического или конфессионального самоопределения. Ценности данных вариантов идентичности особенно востребованы в кризисные периоды, когда традиционные ориентиры во многом утрачены, а объединяющий нормативно-ценностный порядок еще не установлен. В данных обстоятельствах, по замечанию Э.И. Паина, «... образ «мы» формируется локально, на основании простейшей и древнейшей формы идентификации – этнической»¹.

---

¹ Паин Э.А. Этнополитические условия гражданской интеграции российского общества / Э.А. Паин // Общественные науки и современность. – 2006. – № 6. – С. 34.

Таким образом, возрастание роли и значения локальных солидарностей обусловлено конкретно-историческими обстоятельствами. Очевидно, однако, что, несмотря на мощный нормативно-ценностный потенциал и объединяющую силу, локальные модели идентичностей не способны эффективно решать социально-политические конфликты, более того, в определенные моменты могут их провоцировать. Интеграция различных социальных групп, особенно в поликультурном государстве, может осуществляться на базе иного типа идентичности, а именно – гражданско-политической. В российских условиях, осложненных незавершенной модернизацией, незрелостью институтов и отношений гражданского общества, социальной аморфностью, воплощение данной модели интеграции проблематично, но, в то же время, исключительно востребовано. Сама гражданская идентичность претерпевает определенную эволюцию в зависимости от политических, социально-экономических и ценностных изменений в обществе, однако, ее базовое содержание остается неизменным. Она представляет собой тождественность индивида государству и своему статусу гражданина, готовность и способность реализовывать сопряженные с гражданством права и обязанности, принимать осознанное участие в жизни государства. Подобный тип идентичности является важнейшим элементом современных социально-политических систем, так как обеспечивает их целостность. В условиях российского этнокультурного разнообразия наличие гражданской общности, опирающейся на такие ценностные комплексы как государство, Родина, страна, общее историческое прошлое, позволяет обеспечить необходимую консолидацию общества. Данная задача – усиление гражданского самосознания при одновременном сохранении и развитии этнокультурного многообразия народов России, провозглашена и в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»¹.

Задача формирования и укрепления общероссийской гражданской идентичности особенно актуальна в молодежной среде. Маргинальность социального положения молодежи, необходи-

---

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?reg=doc; base=LAW; n=139350>.

мость смыслового и эмоционального освоения сложной социально-политической среды, в которой ей приходится существовать, приводят к повышенной восприимчивости к различного рода ценностям. Культурный и социальный опыт советского периода постепенно вытесняется новыми условиями формирования идентичности – опытом существования в рамках рыночной экономики и в условиях глобализирующегося мирового пространства. Гражданская идентичность, представляющая собой сложное образование, сочетающее такие элементы, как государственная идентичность, патриотизм и гражданственность, безусловно, испытывает влияние, как вышеназванных факторов, так и исторического и политико-культурного наследия. Характерно, что формирование государственной идентичности и патриотизма в определенной степени обеспечивается именно данным наследием. Гипертрофированная роль государства в России негативно повлияла на развитие институтов и отношений гражданского общества и восприятие личности в качестве самостоятельной ценности. Государство в России выступает и как ценностный символ, и как институт, обеспечивающий потребности общества в интеграции. Российская специфика, по мнению Л.М. Дробижевой, заключается в том, что «отождествление себя с гражданами России часто проходит по линии «государство – институт», а не «гражданство – сообщество»¹. Вместе с тем, несмотря на крайний этатизм, характерный для российской политической жизни на всем протяжении исторического развития страны, в российском обществе всегда присутствовал опыт самоорганизации, на основе которого могут развиваться качества активного гражданина. Безусловно, для формирования гражданственности, как составного элемента гражданской идентичности, необходимы последовательные усилия как государства, так и политических партий и общественных организаций. Таким образом, ценностно-нормативное обеспечение российского общегражданского единства в настоящее время опирается на качественно иную институциональную систему, но продолжает учитывать специфику российской социокультурной среды. В полной мере это относится и к Северо-Кавказскому федеральному округу. Общероссийские проблемы здесь

---

¹ Дробижева Л.М. Процессы гражданской интеграции в полиэтничном российском обществе (тенденции и проблемы) / Л.М. Дробижева // Общественные науки и современность. – 2008. – № 2. – С.74.

дополняются рядом специфических обстоятельств – этническим и конфессиональным многообразием, приграничным положением, последствиями военных конфликтов и территориальных споров, проявлениями экстремизма и терроризма, низким уровнем социально-экономического развития и т.д. Очевидно, что в контексте вышеперечисленных сложностей идея гражданского единства региона, восприятие его в качестве органической части российского государства, становится особенно актуальной, и, в конечном счете, является залогом обеспечения национальной безопасности страны.

Несмотря на весь комплекс проблем, связанный с поликультурностью и достаточно высоким уровнем конфликтности, в Северокавказском макрорегионе сильны объединяющие факторы. Синтез культур, характерный для взаимоотношений русского народа с народами Северного Кавказа на всем протяжении исторического развития, не препятствовал сохранению этнической и конфессиональной самобытности, что явилось основой особого типа идентичности. Включенность в единое государство, гарантирующее правовую и социальную защиту, возможность выражения интересов посредством различного рода объединений, возможность получения образования, отвечают интересам практически всех этнических групп. Безусловно, мощным объединяющим фактором является русский язык, который не только обеспечивает межэтническое взаимодействие в поликультурной среде, но и служит основой для полноценного включения индивида в современное культурное пространство. Несмотря на масштабные общественно-политические трансформации последних десятилетий, вышеназванные основы гражданской интеграции продолжают сохранять свое значение, так как сложились исторически и востребованы в современных условиях. Данные всероссийских и региональных социологических исследований позволяют констатировать, что на юге России гражданская самоидентификация находится на том же уровне, что и этническая (45%), однако значима для большего числа респондентов, чем в целом по России (35% и 45% соответственно)¹. Таким образом, в Северокавказском макрорегионе скла-

---

¹ См.: Шульга М.М. Гражданская самоидентификация как фактор национальной безопасности / М.М. Шульга // Теоретико-методологические и прикладные аспекты анализа устойчивого развития и безопасности региона:

дывается амбивалентная модель гражданской самоидентификации, специфика которой заключается в равной значимости для индивида ценностных систем этнической и гражданской субкультур, которые могут актуализироваться в зависимости от внешних обстоятельств.

На фоне ценностного вакуума, существующего в сознании молодежи относительно своего самоопределения, особенно востребованным оказывается формирование региональной идентичности, что будет способствовать и укреплению общегражданского единства. Вектор приоритетной социальной самоидентификации в данном случае определяется, в том числе и тем, что локальные солидарности уже не могут полностью удовлетворить потребность молодежи в ценностно-нормативном определении. В современных условиях все более глобализирующегося пространства, в рамках все более интенсивной модернизации, молодежь нуждается, с одной стороны, в устойчивых базовых ориентирах, с другой – в представлениях, соответствующих современной реальности. Региональная идентичность удовлетворяет данным требованиям, так как включает в себя традиционалистские элементы, характерные для локальных идентичностей, и, в то же время, органично включается в общероссийское идентификационное пространство. По справедливому замечанию Л.М. Дробижевой «...региональные консолидации на данном историческом этапе станут не столько противостоять, сколько подпитывать национально-гражданскую идентичность, так как регионы становятся значимым ресурсом корректировки социальных взаимодействий»¹.

Таким образом, можно констатировать, что условия Северокавказского макрорегиона содержат несомненный объединяющий потенциал, создающий предпосылки укрепления и развития ценностей гражданской идентичности.

сборник материалов 54-й научно-методологической конференции. – Ставрополь: Ставролит, 2009. – 254 с.

¹ Дробижева Л.М. Процессы гражданской интеграции в полиэтничном российском обществе (тенденции и проблемы) / Л.М. Дробижева // Общественные науки и современность. – 2008. – № 2. – С.77.

МИССИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ СОЦИУМЕ

Иванова С.Ю.

*ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Ставрополь*

Проблема идентичности россиян наиболее часто поднимается в научных публикациях и политическом дискурсе в связи с тем, что при анализе происходящих в современной России процессов констатируется еще не до конца преодоленный кризис идентичности как важнейшее следствие распада прежней государственности и источник психологического дискомфорта значительной части населения. В условиях неопределенности и частичного разрушения этнических, государственных, корпоративных, профессиональных и социальных связей на всех этажах общества, теряется или деформируется социальная модель поведения и индивидов, и социальных групп, происходит своего рода «биологизация» поведения, упрощение мотивации, с одной стороны, а с другой, ее усложнение в связи с частичной переориентацией на нетрадиционные социальные и этнокультурные ориентиры. С трансформацией советской социокультурной идентичности произошло понижение уровня процессов структурирования надэтнической идентификации, в определенное время они снизились до уровня локальных сообществ.

В настоящее время перед российским обществом, перед российскими интеллектуалами, перед органами власти всех уровней стоит задача формирования нового позитивного образа, говоря научным языком, позитивного автостереотипа гражданского сообщества россиян. По сути, речь идет о формировании гражданской идентичности в условиях демократически ориентированного правового государства, идентичности, не отрицающей своей этнической составляющей, идентичности разделяющей с другими гражданами полиэтнического государственного образования общенациональные ценности и символы, чувства и привязанности,

установки и образцы поведения. Позиция российского общества в отношении выбора культурно-идентификационных ценностей и моделей определяется специфическим социокультурным контекстом российской действительности на фоне этнизации и регионализации российской идентичности.

В связи с этим актуальным представляется формирование культуры гражданского общества, становление представлений о конструктивной роли российской идентичности и патриотизма, рассматриваемых как механизм преодоления межэтнической напряженности в полиэтничном регионе, развитие идей культурного плюрализма в процессе согласования и принятия как общегражданской полиэтнической идентичности, так и этнокультурной идентичности, стабилизирующих межэтнические отношения.

Для современного этапа, переходного к устойчивому, стабильному развитию как никогда нужны идеи консолидационного, консенсусного содержания. А ими могут быть лишь общегосударственные идеи, когда граждане России, независимо от этнонациональной и конфессиональной принадлежности считали бы себя россиянами не только по географической принадлежности, но и по чувству родства. Без формирования некоего этнически нейтрального «мы», имеющего политическое, правовое, социально-экономическое значение, невозможны ни диалог, ни общенациональное примирение, ни политическая стабильность.

Акцентирование в политике фактора этнической принадлежности способно блокировать развитие надэтнических «этажей» нации и гармоничное формирование межнациональных отношений, воспроизводство социально-политического организма целостной политической системы, сохраняя в ней архаически сложившуюся фрагментацию. Это не означает недооценки этнического элемента (компонента) жизнедеятельности многонационального государства, так как нигде в мире не существует надэтнических традиций и надэтнического языка. Напротив, нахождение и культивирование такого «мы» – основная формула достижения стабильного межнационального согласия.

Становление новой российской государственности формирует объективную потребность в стабилизирующих элементах, как на общесоциальном, так и на групповом и индивидуальном уровнях.

Не случайно в политической риторике, в прессе участилось употребление (хотя и с различным смыслом) понятий «согласие», «национальные интересы», «устойчивое развитие», «национальная идея». В этих условиях особенно ощутимой становится потребность в патриотизме и гражданской идентичности, как интегрирующей основе, придающей государству и обществу устойчивость и долговечность.

Гражданская идентичность служит социальной интеграции на базе общих терминальных и инструментальных ценностей (в том числе через такие ценностные комплексы, как Родина, государство, страна), объективируется через отождествление индивидов с определенными позициями в социокультурном пространстве и фиксируется через социальные практики в конкретных полях идентификации. В настоящее время можно уже считать, что понятие «россияне» в качестве идентификационного термина в целом получило общественное признание и перешло в разряд актуализированных, работающих культурных понятий, причем не только на экспертном, но и на массовом уровне. Но означает ли это победу принципа согражданства над принципом принадлежности к тому или иному этносу? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным, так как российская идентичность все еще глубоко погружена в национальный дискурс. Становление российской идентичности происходит в поликультурной и мультиэтнической среде, с интенсификацией потоков миграции, тотальным этническим самоопределением. Эти факторы остро ставят вопрос о выработке оптимальной модели идентичности человека в современной России.

Проблема смены идентичности осложняется в России тем, что мир вокруг меняется, не менее разительно, чем меняются россияне. Отсюда возникают проблемы формулировки адекватных концепций идентичности.

Как социологические опросы, так и электоральное поведение свидетельствуют об изживании раскола общества. По мере закрепления складывающегося консенсуса будет оформляться и концепция идентичности. Советская модель идентичности была структурирована вокруг религиозного переживания идеологии. Новая идентичность не может быть идеологически или этнически центрированной в силу полицивилизационного и поликонфессио-

нального характера российского общества, включения страны в глобальный контекст. Она может структурироваться вокруг ценностей секулярного государства. Эти ценности выражаются в понятии гражданской нации.

Сохранение гражданской идентичности является важнейшей целью государства при решении задач обеспечения безопасности Российской Федерации в условиях глобализации, характеризующейся резким ускорением темпов интернационализации всех сфер общественной жизни: экономической, социальной, политической и духовной. Утрата суверенитета в этих сферах неизбежно приведет к утрате государственного суверенитета в целом.

Сегодня, к сожалению, мы больше говорим о том, что нас разъединяет, а в средствах массовой информации само словосочетание «этнические отношения» стало синонимом этнических конфликтов. В тоже время общество без объединяющей идеи носит нетрадиционный для России характер. Формирующаяся государственно-патриотическая идеология включает традиционные и исторические элементы российской культуры, образа жизни, национальных обычаев. Исходя из логики взаимосвязи сфер, связанных с формированием личности, можно констатировать, что тенденция патриотизации российской идеологии, безусловно, предполагает и патриотизацию воспитания. Патриотическое воспитание должно стать основным инструментом реализации стратегии по формированию общегражданской идентичности в полиэтничном социуме. Вследствие этого:

- во-первых, риторическим представляется вопрос о необходимости воспитания в современных условиях;

- во-вторых, значительно усиливается патриотический и гражданский компоненты его содержания, которые получают соответствующее проявление в целях, задачах, принципах воспитательной деятельности с молодежью в полиэтничном регионе.

Формирование общегражданской идентичности в полиэтничном социуме не может быть эффективным без участия в этом процессе образовательных учреждений. Однако, переоценка ценностей, происходящая в российском обществе, также негативно сказалась на системе образования. Отсутствие доминирующей идеологии, четких ориентиров развития общества, способствует соци-

альной дезориентации социальной системы, распространению социальной пассивности, как основного типа поведения. Это наиболее сильно сказывается на молодежи, той социальной группе, главный интерес которой поиск своего места в жизни. Угрозы в сфере образования латентны, их реальность станет видна только тогда, когда общество увидит поколение профессионалов – без профессионализма, граждан – без патриотизма, аморальных политиков – без чувства социальной ответственности.

Особенности образовательного пространства в современной России обусловлены действием противоречивых тенденций. С одной стороны, существует объективная необходимость модернизации образования в контексте интеграции России в мировое образовательное пространство и для обеспечения эффективного преобразования общества. С другой стороны, кризисное состояние общества влияет на состояние сферы образования, которое также можно охарактеризовать как кризисное, переходное от технократической к социокультурной образовательной модели, что в свою очередь накладывает отпечаток на процесс социализации в образовательном пространстве.

Центральным элементом образовательного пространства во всем мире и в современной России, в частности, становится высшая школа, потенциально способная обеспечить «опережающее» развитие образования, универсальную социализацию индивидов, и, тем самым, необходимую социокультурную среду для эффективного преобразования российского общества.

С помощью высшего образования современные национальные государства консолидируют свой гражданский корпус, приобщая граждан к тем солидаристическим смыслам и значениям природного и социального мироздания, которые идеологически поддерживают существующий порядок в обществе.

Ведущей функцией современного высшего образования, по мнению Ортега-и-Гассета, должно стать культурное возрождение человека. Культура – это соответствующий эпохе уровень интеллектуального развития человека, обеспечивающий его способностью ориентироваться в окружающем социальном хаосе, отыски-

вая собственный путь. Культурный человек – это занимающий активную жизненную позицию интеллектуал¹.

Р. Хатчинс, солидаризируясь с Ортегой-и-Гассетом, фактически говорит: современному обществу нужны не специальные школы, готовящие некультурных профессионалов, а общеобразовательные высшие учебные заведения, готовящие культурных интеллектуалов. В своей речи «Атомная бомба и образование» Р. Хатчинс предупреждает: «Прочие цивилизации были уничтожены варварами извне. Мы выращиваем своих собственных. Новые варвары – многие из них – обладают острым умом. Они могут быть очень сведущими в определенных дисциплинах. Но они – варвары, потому что они некультурны; им не хватает культуры.

Культура – это не просто эстетическое украшение, с одной стороны, или знание узкой отрасли специализации, с другой. Культура – это владение системой идей»².

Потенциал образования должен быть в полной мере использован для консолидации общества, сохранения единого социокультурного пространства страны, преодоления этнонациональной напряженности и социальных конфликтов на началах приоритета прав личности, равноправия национальных культур и различных конфессий, ограничения социального неравенства³. На это направлено решение двуединой задачи современной высшей школы:

1. Формирование личности каждого охваченного этой сферой человека, его индивидуального мировоззрения и ментальности в единстве и гармонии приобретаемых им Знаний и нравственных убеждений, основанных на Вере в высшие ценности и Смысл человеческой жизни; приобщение каждого человека к культурным и ментальным ценностям данного социума, человеческой цивилизации в целом путем прямого или опосредованного включения этих ценностей в систему собственно образовательного (педагогического) целеполагания, содержания и процесса образования (обучения, воспитания, развития учащихся);

---

¹ См.: Ortega y Gasset J. Mission of the University. Princeton, 1944 – P.58.

² Цит. по: Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. – М., 1994. – С.172.

³ См.: Там же. – С. 45.

2. Формирование и непрерывное обогащение ментального пространства, «духовной ауры» социума за счет индивидуальной творческой, активно преобразующей, созидательной деятельности людей, которые на основе полученного образования внутренне мотивированы на такую деятельность и видят в ней высшие приоритеты своей жизненной самореализации¹. Следует отметить, что значение менталеобразующей способности образования особенно возрастает в нестабильном обществе.

Разрешение межнациональных конфликтов возможно лишь при условии взаимопонимания, сближения позиций конфликтующих сторон. Предпосылкой этого является наличие общей идеологической платформы, оценочного критерия. Патриотизм как идеологическую платформу можно рассматривать в качестве важнейшего компонента национальной идеи, основания для позитивной идентичности и альтернативы групповым и региональным ценностям. Актуальность появления новой идеологии обусловлена динамикой изменений, происходящих в России и в мире, а также воздействием таких негативных тенденций, как устойчивое сокращение численности населения России, ухудшение его качественного состава вследствие разрушения традиционного духовного и социального уклада, усиления терроризма, экстремизма, сепаратизма и преступности. Эти тенденции оказывают деструктивное воздействие на главный ресурс национальной экономики – интеллектуальный, профессиональный и организационный потенциал общества. Этот ресурс не может развиваться в отрыве от своей социальной и духовной базы. Требования национальной безопасности диктуют необходимость проведения в интересах экономической и политической стабильности эффективной социальной политики, направленной на развитие человека, его образование, здравоохранение и социальное обеспечение.

---

¹ См.: Гершунский Б.С. Образование в третьем тысячелетии: гармония знания и веры: Прогностическая гипотеза образовательного триумфа. – М., 1997. – С. 35-36.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПУТИ ДОСТИЖЕНИЯ МИРА И СОГЛАСИЯ

Иванов В.В.

*ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Ставрополь*

Религиозный фактор оказывает большое влияние на состояние и динамику межнациональных отношений поликультурного социума. В области межэтнических отношений религиозный фактор важен для исторически сложившихся этноконфессиональных взаимоотношений и взаимосвязей между конфессиями, деятельности религиозных организаций и служителей культа, апелляций к религии и религиозной аргументации в деятельности конфессионально ориентированных политических партий, общественных движений и их лидеров. Кроме того, религиозный фактор имеет определяющее значение в мотивации поведения масс верующих и отдельных представителей этноконфессиональных общин в различных сферах общественной жизни и конкретных жизненных ситуациях. Воздействие религиозного фактора усиливается, когда различные политические силы и новые этнические элиты пытаются использовать религию для этнополитической мобилизации масс.

Связь определенных этносов с конкретными религиями, складывающаяся на протяжении длительного исторического периода, играет большую роль в определении духовного облика и национальной культуры данных этносов. Подобный отпечаток накладывает православие в этнической истории и культуре русских, ислам в истории и культуре мусульманских народов, католицизм в истории и культуре поляков, немцев и т.д. В общественном и индивидуальном сознании подобная взаимосвязь этнического и конфессионального ведет к сближению и даже отождествлению религиозной и национальной идентичности.

Роль религиозных регуляторов изменяется по мере развития культуры и ее отдельных элементов, а также тех социальных субъектов, которые действуют в соответствии с установленными рели-

гией нормами. Этим и определяется важная роль религии: как феномен культуры она осуществляет регулирующую функцию, содержание которой обусловлено конкретным характером развивающегося общества.

В то же время нужно учитывать наличие этносегрегирующей функции религии, возможность возникновения ситуаций, когда традиции национальной и религиозной неприязни и былой вражды подпитывают друг друга, обостряя, казалось бы, уже изжитые межэтнические противоречия.

Вместе с тем, и этнический, и религиозный факторы в большинстве случаев не выступают первопричиной обострения межэтнических отношений. Причины, как правило, лежат глубже – в социально-экономической сфере, неравенстве экономического положения и жизненных условий различных этнонациональных групп, несовпадении их интересов в историческом наследии политического и военного противоборства за обладание территориями, ресурсами и т.д. Обращение к национальному сознанию служит в этих случаях средством этнополитической мобилизации масс для достижения вполне определенных целей.

Для нормализации религиозной ситуации в многоконфессиональных регионах необходимо:

- учитывать реально существующие взаимосвязи жизни этносов и их религий, поддерживать миротворческую деятельность всех традиционных для регионов вероисповеданий, усилия религиозных организаций, направленные на межэтническое согласие;

- стимулировать бережное отношение к традиционным для регионов верованиям, их философскому, этническому и нравственному наследию;

- противостоять духовной агрессии отдельных религиозных групп, нарушающих государственное законодательство, наносящих вред духовному состоянию общества.

Межконфессиональный диалог – важный фактор общественно-политической стабильности, и религия играет роль стабилизирующего фактора общественной системы. Для выполнения такой миссии религиозные организации располагают большими возможностями. Во-первых, в учениях мировых религий – ислама, христианства и буддизма – сосредоточен мощный потенциал общече-

ловеческих ценностей, способствующих сближению различных групп населения, зовущих к миру, согласию, созиданию. Во-вторых, религиозными организациями накоплен многовековой опыт сглаживания различного рода социальных, национальных, политических противоречий, исполнения роли действенного фактора обеспечения целостности общества. В-третьих, религиозные организации пользуются гораздо большим авторитетом у населения, чем любые общественные институты современной России, включая армию и систему народного образования. Вместе с тем, возможности религии содействовать гармонизации межэтнических отношений, раннему предупреждению вооруженных конфликтов используются не в полной мере.

Полиэтнический и поликонфессиональный состав населения Северо-Кавказского региона, наличие в нем национально-государственных образований и сложная история отношений местных народов между собой и с Российским государством, с одной стороны, и длительный опыт межкультурного взаимодействия с другой, во многом определяют уровень религиозных и государственно-конфессиональных взаимоотношений в современных условиях. Исследования конфессиональных факторов в этнических конфликтах, исторических предпосылок межконфессионального напряжения в Северо-Кавказском регионе, причины возникновения и условия развития межконфессиональных противоречий на Северном Кавказе представлены в работах В.А. Авксентьева, И.О. Бабкина, И.Р. Такаева¹.

Религия интегрирована во многие сферы общественной жизни – культуру, образование, быт и в политику. Современное население региона, особенно молодежь, переживают фазу «религиозного ренессанса». Поэтому социальные конфликты, пронизывающие различные сферы общественной жизни, находят отражение в религии, и наобо-

---

¹ Авксентьев В.А., Бабкин И.О., Хоц А.Ю. Конфессиональная идентичность в конфликтном регионе // Социологические исследования. – 2006. – № 10. – С. 41-47; Емельянова Е. В., Такаев И. Р. Причины и условия, способствующие возникновению межконфессиональных противоречий [Текст] / Е. В. Емельянова, И. Р. Такаев // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 6. – С. 213-216.

рот – конфликтогенные процессы, возникшие на религиозной почве, неизбежно влияют на характер социальных отношений, в первую очередь политических, экономических, межнациональных.

Состояние межконфессиональных и внутриконфессиональных отношений, а также государственно-конфессиональных отношений в Северо-Кавказском федеральном округе характеризуется стабильностью без существенных проявлений конфликтогенного потенциала. Стабильность связана с переключением массового сознания на приоритетное восприятие международной повестки дня, упрочением традиции тесного социокультурного соседства различных этнорелигиозных групп населения.

Также стабильности этноконфессиональной ситуации способствует созданная в регионе система профилактики распространения деструктивных форм религиозного экстремизма, разоблачения радикальных взглядов на уровне социальных практик.

Стабильная этноконфессиональная ситуация имеет, вместе с тем, скрытые конфликтогенные моменты, связанные с настроениями и взглядами представителей нетрадиционных радикальных верований. Хотя точки социального напряжения и беспокойства располагаются преимущественно в социально-экономической сфере, с повестки дня нельзя снимать проблемы, связанные с: продолжением радикализации части северокавказской уммы¹ и ростом популярности среди молодежи идеи о том, что следование исламским ценностям противоречит участию в политической и гражданской жизни страны; актуализацией «старых» проблем, в число которых включаются судьбы спорных территорий, исторические обиды, самоназвания, межэтнические противоречия, земельные вопросы, противостояние этнических элит и клановых интересов и т.п. Практически все экстремистские проявления в регионе, так или иначе, связаны со сферой межэтнических и межрелигиозных отношений.

---

¹ См.: Какой будет кавказская политика. КАВПОЛИТ выяснил у экспертов, чем займется новый «политический» куратор СКФО / Кавполит, 21 апреля, 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://kavpolit.com/articles/kakoj_budet_kavkaz-skaja_politika-33251/

В этой связи насущной необходимостью является повышение эффективности межконфессионального и государственно-конфессионального диалога на базе традиционных российских духовных ценностей в целях упрочения российского гражданского единства.

Значимость конфессиональных отношений в обеспечении региональной стабильности и безопасности Северного Кавказа возрастает с учётом повышения роли конфессионального фактора в этнических процессах. В настоящее время проявляется негативная тенденция ослабления доминантной роли российской культуры на Северном Кавказе, и борьба за замещение ее западной массовой культурой и различными исламскими течениями.

Современные этнокультурные процессы на Северном Кавказе характеризуются неустойчивостью, противоречивостью, взаимодействием традиционалистской, фундаменталистской и модернизационной альтернатив. Их конкуренция проявляется через архаический синдром, и это несет опасность для культурного развития.

Для минимизации негативных тенденций необходима активизация государственно-конфессионального диалога, тесное и эффективное взаимодействие региональных органов власти, органов местного самоуправления, правопорядка, иных силовых структур с религиозными организациями.

Неблагоприятный фон для развития межнациональных и межконфессиональных отношений продолжает формировать сложная, и даже неблагоприятная социально-экономическая ситуация. В условиях кризисных явлений социально-экономической сферы социальные и экономические проблемы легко становятся фактором политизации этничности и религии. Общественное сознание населения постепенно переориентируется с внешнеполитической повестки на повестку внутренних проблем, жизненных интересов, уровня и качества жизни.

Динамика правонарушений и преступлений в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений свидетельствует о необходимости усиления разъяснительной и просветительской работы с населением, причем конкретному разъяснению подлежат составы соответствующих статей Уголовного кодекса Российской Федерации. Качественного улучшения требует система работы

органов власти и управления (особенно правоохранительных), а также силовых структур с неинституированными общественными субъектами, в том числе, с руководителями нетрадиционных религиозных организаций, а также с неформальными лидерами регионального и местных сообществ.

Основной вектор напряженности в регионе смещается с межэтнических проблем и противоречий в сторону этноконфессиональных напряжений и особенно государственно-конфессиональных отношений. Спектр актуальных вопросов включает: совершенствование способов противодействия распространению экстремистской идеологии; противодействие политизации истории и взаимоисключающим трактовкам исторических сюжетов; определение места этноконфессиональных отношений в системе отношений гражданского общества в современном государстве; повышение эффективности во взаимодействии государства и религиозных институтов; расширение применения позитивных практик сотрудничества органов власти региона и федерального центра.

Также для Северного Кавказа, в целом, актуальны такие проблемные аспекты общественно-политического и социокультурного пространства, как: эволюция исламской культуры как составляющей части общероссийского культурного кода; определение эффективных практик взаимодействия субъектов региональной поликонфессиональной среды; разработка форм и методов информационной и разъяснительной работы общественных организаций для достижения взаимного уважения между адептами разных конфессий; противодействие механизмам рекрутинга молодежи в радикальные группы в социальных сетях и др.

В целях стабилизации ситуации в этноконфессиональной сфере полиэтничного региона можно рекомендовать продолжение работы по проведению мероприятий и информационной политики, направленных на поддержку религий, традиционных для народов региона, на противодействие пропаганде нетрадиционных и радикальных религиозных организаций и сект.

Достижение стабильности предполагает также использование систематического мониторинга в сфере государственно-конфессиональных отношений, религиозных верований и практик (в том числе, нетрадиционных). Значительный эффект приносит, и раз-

яснительная работа с населением, направленная на профилактику экстремизма и терроризма, а также на противодействие идеологической пропаганде зарубежных религиозных организаций.

Диалог между представителями различных конфессий и государством, как на федеральном, так и на региональном уровне в современных условиях может способствовать сглаживанию, устранению межконфессиональных противоречий, объединению усилий представителей различных этнических и конфессиональных общностей против глобальных угроз и прежде всего в противостоянии религиозно-политическому экстремизму и международному терроризму. В Северо-Кавказском регионе накоплен длительный опыт сосуществования разных культур и конфессий, взаимодействия между представителями различных конфессиональных общностей, который может быть востребован и в других полиэтничных и многоконфессиональных регионах.

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

Казиева А.М., Казиева Д.А.

*ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»,
г. Пятигорск*

Современный мир характеризуется разнонаправленными векторами в формировании поликультурного пространства, в нем явственны проявления культурной диффузии, интеграции и интеракции. Объективными закономерностями социокультурного пространства, его динамического развития становятся активная межкультурная коммуникация, характерной чертой которой является сложная интеграция, в результате чего личность оказывается на рубеже культур. Общественное бытие воспринимается как комплекс проблем, которые нуждаются в научном осмыслении различными направлениями гуманитарного знания: проблемы толерантности, культурной идентичности и полилога культур, равновесия в мировом социокультурном процессе национальной специфики и универсальных черт.

Комплексное изучение языковых процессов в социокультурных и исторических координатах приобретает особую актуальность в современной лингвистической и общегуманитарной парадигме, что детерминировано закономерным развитием языка в тесной связи с развитием культуры и общества в целом.

Актуальность изучения культурного развития личности детерминирована нестабильными, меняющимися онтологическими моделями, сложным характером современных коммуникативных процессов. Культурное развитие личности всё более приобретает двойственность: с одной стороны, личность в таких условиях поставлена перед необходимостью соответствия идеям толерантности в условиях поликультурного пространства, что обуславливает потребность в устойчивой аксиологической системе и соответствии культурным идеалам и нормам, а также изменчивости современного социума в целом; с другой стороны, особое значение приобретает осознание своих культурно-исторических корней,

принадлежность к конкретному этническому сообществу, что даёт дополнительную опору духовно-нравственным ценностям и объективирует потребность в сохранении и изучении культурного наследия. Обозначенные векторы эксплицируют противоречивость между универсализацией цивилизационных стандартов, появлением всё более значимого объема интегративных признаков и устойчивыми дифференцирующими чертами, которые выражены в сложившихся традициях следования исконным историческим и этнокультурным ценностям.

Существовавшее во все времена взаимодействие стран, народов и культур в третьем тысячелетии приобрело особый характер. Можно констатировать, что оно усилилось, охватив практически все сферы общественной жизни. Активное взаимодействие народов и культур на современном этапе актуализирует вопрос о национальных различиях, проявляющихся практически во всем: от одежды и кухни до норм общественного поведения. Социокультурный процесс во многом обусловлен особенностями менталитета этноса, что, в конечном счете, определяет развитие человечества¹. Преодолению культурного барьера, неизбежно возникающего при поверхностном знакомстве с национальными особенностями, способствует целенаправленное формирование устойчивого представления об этнокультурной самобытности и специфике ее проявления. Главное препятствие, мешающее успешному межкультурному взаимодействию, состоит в восприятии других культур через призму собственной ментальности.

В конце XX в. в связи с интеграцией психологии, лингвистики, социологии и этнографии, внимание ученых разных научных школ и направлений привлекли особенности развития и функционирования национальных менталитетов. Несмотря на то, что термины «менталитет» и «ментальность» в последние годы широко использовались в научной среде, их статус окончательно не установлен.

С. Г. Тер-Минасова указывает, что «менталитет – это мыслительная и духовная настроенность как отдельного человека, так и

---

¹ См.: Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета: учеб. пособие для вузов / Б.А. Душков. – Екатеринбург: Деловая кн., 2002. – 440 с. – С. 60.

общества в целом»¹. Исследователь рассматривает данную категорию в совокупности с идеологией, поскольку «культура в широком этнографическом смысле слова включает в себя и идеологию, и менталитет»². При этом менталитет представляет собой константу, а идеология проявляет пространственно-временную изменчивость. По мнению С. Г. Тер-Минасовой, несмотря на то, что в современной России «кардинально и молниеносно изменилась идеология, в своей основе русская культура, так же, как и русский национальный характер, осталась прежней»³.

Наряду с «менталитетом» используется и другой не менее известный термин – «ментальность». По замечанию А. Я. Гуревича, «ментальности выражают не столько индивидуальные установки личности, сколько внеличную сторону общественного сознания, будучи имплицированы в языке и других знаковых системах, в обычаях, традициях и верованиях»⁴.

Разграничивая понятия «менталитет» и «ментальность», С. Л. Катречко указывает на то, что это деление носит принципиальный характер и напрямую соотносится с особенностями европейского и славянского миропонимания. «Если под менталитетом понимать некоторую глубинную структуру сознания, зависящую от социокультурных, географических и языковых и т.п. факторов, – то можно показать, что менталитет присущ европейцу как форма, которая содержит, упорядочивает, организует различные ментальные состояния европейца (понятие «менталитета» сопоставимо с понятиями «государства», «гражданского общества»), но этой формы упорядочивания нет в России. Данное различие позволяет объяснить с единых позиций существенные особенности «русской души», а также уточнить

---

¹ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие). М.: Слово / Slovo, 2000. – С. 196.

² Там же. – С. 194.

³ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие). М.: Слово / Slovo, 2000. – С. 195-196.

⁴ Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Выпуск 1. М.: Наука, 1989. – С. 75.

проблему «диалога» России и Запада, как проблему взаимоотношений «менталитета» и «ментальности»¹.

Понятие мировоззрения включает в себя систему взглядов на мир и онтологический статус личности в нем, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания мира, ценностные ориентации. Мировоззрение каждого человека существенно зависит от господствующей в обществе идеологии, от его религиозных убеждений, национальных особенностей характера, а также от социального положения².

Современная культурная ситуация может быть рассмотрена с позиций проблемной сферы оппозиции *своё – чужое*, соотносённости традиционного и инновационного, системы ценностей и смыслов. В этой связи особое значение приобретает культурная идентификация (самоидентичность), позволяющая установить духовную связь со своим этносом и актуализировать национальные и универсальные ценности, что с необходимостью эксплицировано в национальной языковой картине мира. Доминанты культуры, лично интериоризированные, создают возможность пребывания в координатах национального и общемирового культурного пространства. Аксиологический потенциал культуры также реализуется в уникальности национальных и региональных представлений и форм. В этой связи И. А. Ильин отмечает, что культура представляет собой внутренний и органический феномен: захватывая глубины души человека, она живет, обладая таинственной целесообразностью³.

Для современной лингвистики и филологии в целом одной из актуальных сфер становится приложение исследовательских усилий в проблемном поле межкультурной коммуникации как многоуровневого процесса и его влияния на формирование русской язы-

---

¹ Катречко С. Л. Ментальность России и менталитет Западной Европы: сравнительный анализ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.philosophy.ru/library/ksl/katr_003.html. 2009 (дата обращения 24.09.2017).

² Чернавский М. Контуры нового мировоззрения. [Электронный ресурс]. URL: www.nationalism.org. 2008 (дата обращения 17.05.2018).

³ См.: Ильин И. А. Путь духовного обновления. М.: Альфа-Принт, 2006. – 447 с.

ковой личности. Межкультурная коммуникация является условием и результатом диалога и полилога культур, существующих в едином пространственно-временном континууме, всегда осуществляется между коммуникантами, принадлежащими к разным культурам. Они вступают в такой диалог с целью достижения адекватной интерпретации культурных фактов, знаний и пр., которая значима для участников коммуникации как личностей и как представителей конкретных культур. Результатом этого диалогического взаимодействия становится появление характеристик, имеющих универсальную и этноспецифическую значимость, что, несомненно, оказывает влияние на языковую личность.

Межкультурная коммуникация представляет собой рецептивно-интерпретативную деятельность языковой личности, направленную на инокультурные феномены, транслируемые текстом / дискурсом на родном и/или иностранном языке. В поликультурном пространстве этот процесс имеет диалогический характер; продуктивным становится также диалог культуры с самой собой как с Другой, который детерминирует двойственность положения инокультурного содержания, тем самым осуществляя внутри культуры косвенный диалог.

В координатах поликультурного пространства Северного Кавказа русская языковая личность предстает как носитель национальной языковой картины мира – совокупности социокультурных, коммуникативных, лингвистических и экстралингвистических характеристик. Манифестирование черт русской языковой личности в межкультурной коммуникации осуществляется через текстовую деятельность, реализуемую в сложных условиях пространства взаимодействия разных культур. Межкультурная компетенция русской языковой личности, детерминированная русской национальной культурой, дает возможность самореализации такой личности в этом поликультурном пространстве, а её структура включает аутентичную и инокультурную коммуникативные компетенции, которые могут сосуществовать параллельно либо представлять собой синтез.

В координатах поликультурного пространства реализуются трансляция и обмен информацией, идеями, полилог культур активизирует изучение аксиологических систем взаимодействующих

этносов и, как следствие, форм межкультурных связей на всех уровнях взаимодействия – от межгосударственного до личностного. Как объект межкультурного общения культура в процессе вербализации репрезентирована посредством:

- субъектно-объектных отношений (информация, выраженная средствами языка);
- субъектно-субъектных отношений (взаимодействие субъектов межкультурной коммуникации – языковых личностей).

Значимую роль в межкультурной коммуникации играет диалог, который выступает необходимым компонентом онтологии русской языковой личности в поликультурном пространстве Северного Кавказа. Без взаимодействия с мышлением и бытием Другого личность лишена возможности формирования коммуникативной культуры. Личностная самореализация и самоопределение осуществляется диалогически, что позволяет осуществить лингвокультурную идентификацию в аутентичном и инокультурном пространствах.

Эффективное участие в полноценном межкультурном диалоге может быть осуществлено лишь тогда, когда хотя бы один из его участников владеет как аутентичной, так и межкультурной коммуникативными компетенциями, что манифестирует его способность и готовность вступить в такой диалог. Межкультурная компетенция представляет собой компетенцию когнитивную и имеет двухуровневую структуру: в нее включено усвоение культурных ценностей как суммы знаний (содержательный аспект) и освоение культурного опыта (деятельностный аспект). В этой связи рецептивно-интерпретативная деятельность русской языковой личности в изучаемых условиях рассматривается как единство языковой (понимание языка текста) и коммуникативной (понимание смысла текста) компетенций.

Для современной гуманитарной научной парадигмы особое значение приобретает систематизация знаний в проблемной сфере этническое – этничность – этническая идентичность. Ведущая роль этнической культуры для этноса определяет её функциональный смысл: она предстает как основной механизм национального самоопределения личности. Изучение структур языковой личности и анализ этнической идентичности позволяет обнаружить корре-

ляции национального начала и языковой личности и установить многоуровневый характер его проявления. Другими словами, любая языковая личность, прежде всего, национальна.

На наш взгляд, в поликультурном пространстве Северного Кавказа необходимо говорить не столько о русской языковой личности, сколько о языковой личности россиянина. Языковая личность россиянина определяется нами как языковая личность гражданина России, зачастую являющаяся билингвальной, обладающая знаниями в сфере русской культуры и истории. Данное понятие нам представляется синхроническим по своему характеру, поскольку соотносимо, прежде всего, с оформлением Российского государства как многонационального. Понятие «языковая личность россиянина» шире, чем понятие «русская языковая личность», поскольку включает в себя рассмотрение национальной языковой картины мира, существующей в сознании носителя национального языка в равноправных отношениях с русской языковой картиной мира. Термины «русская языковая личность» и «языковая личность россиянина» не являются синонимами, т.к. во втором случае термин включает в свое концептуальное поле еще один или более национальных языков, кроме русского; при этом национальная принадлежность даже без владения языковой личностью иным национальным языком предопределяет отнесение такой языковой личности к языковой личности россиянина, т.к. факты другой национальной культуры, присутствуя в культурном ареале существования такой личности, вступают во взаимодействие с русской национальной картиной мира.

Последний тезис является достаточно дискуссионным, т.к. еще М. Хайдеггер писал, что «язык – дом бытия»¹. В то же время в российской действительности возникает широкий спектр различных ситуаций становления языковой личности, которые формируют различные промежуточные вариации. Так, на первый взгляд, если родной язык – русский, то, как бы представитель другого народа ни доказывал, что он представитель иной национальности, у него языковая личность сформирована как русская, на основе

---

¹ См.: Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. / Сост., пер. с нем. и комм. В. В. Бибихина. – М.: «Республика». 1993. – 447 с.

понятийной и эмоциональной сфер русского языка, в ней нет наложения взаимного наложения «понятийных сеток».

Следует подчеркнуть, что в условиях поликультурного и полилингвального пространства современного мира и многонациональных государств должна быть параметрирована и национальная языковая личность как обобщенный образ носителя этнокультурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций, который осознает свою принадлежность к определенному этносу как социальной общности. Условия полиэтнического государства формируют национально-русский билингвизм народов Российской Федерации, в некоторых коммуникативных ситуациях манифестируемый как языковая ассимиляция, при этом русский язык становится средством не только межнационального, но и внутринационального общения. Как социальный феномен, билингвизм (двуязычие) многогранен, что отражается и на полипарадигмальности его изучения с позиций лингвистики, социологии, философии, психологии и педагогики.

Поликультурное и полилингвальное пространство Северного Кавказа непосредственно влияет на формирование и функционирование русской языковой личности: владение несколькими национальными языками позволяет индивиду понять неповторимость каждого из них, выявляя их преимущества перед другими. Би(поли)лингвизм усложняет содержание сознания, что отражается на демонстрируемых языковых и неязыковых реакциях.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОЛИЛОГ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Лагунов А.А.

*ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Ставрополь*

Представляется, что российская цивилизационная идентичность как более широкое по объему понятие полностью включает в себя идентичность гражданскую, являющуюся результатом формирования во множестве личностей чувства принадлежности к единой большой политической общности, жизнедеятельность которой нормируется конкретным законодательством.

На первый взгляд, гражданская идентичность ситуационна, во многом зависит от тех условий, которые предоставляет для функционирования личности государство, соответственно, при их ухудшении она может ослабевать; цивилизационная же идентичность в большей степени укоренена в личностных сознаниях, зависимых от сознания общественного – феномена субъективно-объективного, динамично развивающегося в социально-историческом времени, но, вместе с тем, с необходимостью преемственного. Однако, как показывает исторический и современный опыт, негативное изменение внешней для личности общественно-политической среды далеко не всегда приводит к размыванию гражданской идентичности, поскольку последняя все же внутренне тесно связана с цивилизационной идентичностью (по аналогии – как элемент и целостная система), откуда следует, что интенсивность процессов гражданской идентификации прямо пропорциональна результатам формирования в общественном и личностных сознаниях цивилизационной идентичности, достаточно инерционной, а потому обеспечивающей гражданской идентичности относительную устойчивость.

В становлении и развитии цивилизационной идентичности доминирующую роль играют мировоззрения (и личностные, и общественные как их интеграл), непременно включающие в себя «вероисповедные аксиомы». По точному замечанию Т.И. Ойзер-

мана: «Всякое мировоззрение складывается из убеждений. Они могут быть истинными или же, напротив, мнимыми. Одни убеждения основываются на фактах, другие, напротив, коренятся лишь в субъективной уверенности, лишенной объективной основы. Убеждения характеризуются прежде всего той энергией, настойчивостью, решительностью, с которыми они высказываются, обосновываются, защищаются, противопоставляются другим убеждениям»¹. В мировоззрениях не только осмысливается окружающий мир, но и вырабатывается методология действия в нем, иначе – всякое мировоззрение обязательно имеет функциональную сторону, обуславливающуюся наличными идеологическими представлениями. В целом идеологию можно характеризовать как пространство «овнешненных», явленных и принимаемых большинством, а потому действенных смысложизненных ориентиров, она помогает представителям общности осмыслить свое бытие, сформировав, прежде всего, представления о личных и коллективных целях, о ценностях как средствах, необходимых для их достижения. Поэтому нормальные, органические идеологии, в отличие от тоталитарных, неразрывно связаны с конкретными языком и менталитетом, опосредуя вместе с ними существование преемственного в социально-историческом времени общественного сознания.

Нужно сказать, что идеология сама по себе, как понятие, ни хороша, ни плоха, в ней все зависит от содержания, которым мы ее наполняем, а оно обуславливается тем, во что мы верим. В общественной жизни вера движет горами через идеологию (сравните: «...ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Матф. 17:20)). Но для рождения последней нужна социальная вероопределенность. Именно потому, что в основании всякой идеологии лежит укоренившееся в общности вероисповедание, «идеология ни истинна, ни ложна. Ее вообще нельзя рассматривать с точки зрения истинности и ложности... В отношении идеологии и ее частей уместна оценка в соответствии с критериями эффективности воздействия

---

¹ Ойзерман Т.И. Мировоззрение // Новая философская энциклопедия в 4-ч тт. Т. 2. – М.: Мысль, 2010. – С. 578-579.

их на умонастроения и поведение людей. При этом утверждения идеологии не непосредственно соотносятся с реальностью, а опосредованно, то есть в качестве факторов поведения людей и их объединений вплоть до целых стран и народов»¹.

Идеология и вера взаимообусловлены, они не могут существовать друг без друга, и это их сосуществование носит динамический характер, определяемый внутренним противоречием: с одной стороны, идеология есть неотъемлемый атрибут социальной вероопределенности, с другой – она как функциональное проявление последней стремится подменить ее, зачастую даже искажая вероисповедные аксиомы. Это происходит в силу того, что идеология «погружена» в мир человеческой деятельности; вера же имеет противоположную направленность – не к «относительно-дольнему», а к «абсолютно-горнему». Протопресвитер Александр Шмеман характеризовал такую «оторвавшуюся» от вероисповедания идеологию как идеологизм: «Идеологизмом я называю сам факт плененности и одержимости сознания идеологией, сущность которой всегда в сочетании отвлеченной и утопической идейной схемы с абсолютной верой в ее практическую “спасительность” и с фанатическим волевым подчинением ей действительности». Далее он поясняет: «Ибо в основе всякой идеологии лежит всегда определенное и целостное истолкование истории, абсолютизация одной историософской схемы, которая, будучи принята как абсолютная истина, уже не подлежит проверке “действительностью”, а, напротив, сама становится единственным критерием ее понимания и оценки»². И констатирует: «Когда-нибудь будет наконец признано как самоочевидная истина, что все идеологии, независимо от того, “левые” они или “правые”, направлены ли они на прошлое или на будущее, рожают рано или поздно один и тот же тип человека: человека, прежде всего, слепого к действительности, хотя как будто только к ней, ради ее радикального изменения, и обращенного всей своей волей, всей целостностью своей идеологической веры...»³.

---

¹ Зиновьев А.А. Запад. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2007. – С. 299.

² Шмеман А., прот. Ответ Солженицыну // Собрание статей, 1947 – 1983. – М.: Русский путь, 2011. – С. 805.

³ Там же. – С. 807.

Нетрудно заметить, что здесь речь у мыслителя идет не об идеологии вообще, а именно о тоталитарной идеологии, которой «одержимо» сознание, идеологии, действительно сочетающейся с абсолютизированной философско-исторической схемой, принимаемой в качестве истины в последней инстанции. И, как результат – слепота человека к действительности. Именно вследствие того, что его вера стала идеологической. Саму же по себе идеологию о. Александр воспринимал как явление необходимое: «Поскольку смысл и назначение идеологии – раскрывать человеку цель его жизни и деятельности, она... ищет, прежде всего, того, чтобы человек примирился со своей смертной судьбой и нашел оправдание своего кратковременного существования»¹.

Можно сказать, что тоталитарная тенденция свойственна всякой идеологии, поскольку каждая из них в пределе стремится подчинить все стороны жизни человека исповедуемым мировоззренческим представлениям. Но далеко не всякая идеология достигает этого предела, при этом окончательно подменяя собой веру. Выходит, что без идеологий жить человеку нельзя, но нельзя и верить в идеологию, которая при нормальном развитии общественного сознания должна опираться не на саму себя, а на исторически сложившуюся социальную вероопределенность.

Однако человек по природе своей динамичен, суетен; не удовлетворяясь наличествуящим, данным, он распространяет свою творческую активность и в область исканий «заданности». И если бы эта активность проявлялась преемственным образом, мы могли бы вести речь только о совершенствовании уже имеющихся вероисповеданий, но зачастую прежние религиозные традиции и опыт просто игнорируются, «данность» не берется во внимание, однако «заданность» гипертрофируется. В качестве эпиграфа к ненаписанной еще полностью истории религиозных исканий можно использовать слова из дневниковой записи Л.Н. Толстого от 1855 года: «...вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта – основание новой

---

¹ Шмеман А., прот. О цели жизни // Собрание статей, 1947 – 1983. – М.: Русский путь, 2011. – С. 70.

религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей блаженства на небе, но дающей блаженство на земле»¹.

Многочисленные «религии разума», фундирующиеся одной и той же социальной утопией о «Царствии Божиим» на земле, построенном своими руками, «задаются» неустранимой интенцией человека, предпочитающего в собственном сознании «звучать гордо», к самовозвеличиванию, без всякой опоры на мистическую возвышающую «вертикаль». «Очищенные от веры и таинственности», эти «практические религии», порвавшие связи с традиционными вероисповеданиями, становятся искусственными идеологическими суррогатами, отвергающими все прежние религиозные представления посредством причисления их к заблуждениям, следовательно, они изначально имеют тоталитарный характер.

Знаменательно, что «религии разума», только намечаясь в головах своих создателей, уже являются не столько религиями, сколько идеологиями, функционально-практический аспект в них явно превалирует, служит базисом для осмысления онтологической, гносеологической и этической проблематики, подстраивающейся под уже заданный «здоровый смысл». Иначе, человек, создающий такие идеологические продукты, источником «заданности» своей творческой деятельности и критерием ее результатов полагает, ни много, ни мало – собственный обоготворяемый разум, потому вся эта продукция маркируется ярко выраженным антропоцентризмом. В идеологиях, исходящих из представлений о должном, вырабатываемых в традиционных религиях, тоже случаются конкретно-исторические «изъяны», однако они не могут напрямую связываться с религиозным вероисповеданием, свидетельствуя только о его «дефектности», и все эти изъяны со временем вероисповеданием же и устраняются. Не так в «благоразумных идеологиях», они не могут устранять в себе изъяны, поскольку изначально имеют их в своем фундаменте, они не могут совершенствоваться и обмениваться позитивным опытом с исторически

---

¹ Цит. по: Ростова Н.Н. Имманентизм в русской культуре // Христианское чтение. – 2017. – № 5. – С. 132.

устоявшимися идеологиями. Поэтому, вступив в конкурентную среду, в которой присутствуют другие религии и идеологии, они имеют очень мало шансов на успешное развитие. Остается только два выхода: или сектантски изолироваться, или подавлять по мере возможности своих конкурентов.

Современное общество часто характеризуется как постсекулярное. В общих чертах это значит, что оно стало идеологически плюралистичным, наряду с возрождением социального интереса к традиционным религиозным идеологиям в нем не ослабевает значение «секулярных религий», имеющих свои собственные идеологические построения, более того, во множестве возникают новые религиозные движения, далеко не все из которых имеют конструктивный характер. Вследствие понимания резко отрицательного влияния неумеренного идеологического плюрализма на единство социума, на протекающие в нем идентификационные процессы, в российском научном сообществе оживилась дискуссия о необходимости формулирования/формирования государственной идеологии, хотя таковая и противоречит Конституции, Основному Закону нашей страны. Апологеты единой идеологии поспешно заявляют о целесообразности внесения в Конституцию поправок, но при этом, стоит задуматься – какого рода будут эти правки? Ведь всякая идеология основывается на мировоззренческой вере, на убежденности в ее истинности, следовательно, она носит религиозный/квазирелигиозный характер, являясь функциональной стороной конкретного вероисповедания. Однако Россия сегодня поликонфессиональна, не потеряли в ней силы и атеизм, и сциентизм, и либеральная квазирелигия, и даже советизм. Возможно ли в таких условиях совмещение функциональных сторон столь различных вероисповеданий? Очевидно – нет, слишком несходны догматические положения. Но вот в аспектах нравственном и культурном вполне мыслим поиск компромиссов, достижимых без формулирования гипотетической государственной идеологии, способной внести в общество скорее разлад, чем единение.

Сходство традиционных религий в вопросах нравственности давно подмечено, да и квазирелигия советизма на исходе своего могущества выработала «Моральный кодекс строителя коммунизма», заимствовавший традиционно-религиозные нравственные по-

ложения у иудаизма и христианства. Конкретные результаты стабильного сотрудничества российских представителей ислама и христианства, ведущегося, прежде всего, в нравственной и воспитательно-образовательной сферах общественной жизни, также широко известны. Поэтому межконфессиональный и общественно-конфессиональный диалог (точнее – полилог) по вопросам нравственности в современной ситуации сулит весьма положительные перспективы.

Что же касается культуры, то она не является сегодня сугубо конфессиональным феноменом, хотя зачастую и опосредуется еще вероисповеданиями. Культура – общее дело российского народа, и представитель всякой религии может найти в ней для себя достойное применение. Г.П. Федотов, например, сформулировал насущную задачу будущего для христианина: «одухотворение православием технической природы современности»¹. При этом он понимал, что: «Объединение народов России не может твориться силой только религиозной идеи. Здесь верования не соединяют, а разобщают. Но духовным притяжением для народов была и останется русская культура»². В деле духовного возрождения участвуют религиозные организации, культура и государство, причем культура – наиболее сложный элемент, связующий «действие сил духовных с механизмом социальных потребностей»³. Отсюда: «Задача культурных работников, каждого русского в том, чтобы расширить свое русское сознание (без ущерба для его “русскости”) в сознание российское. Это значит воскресить в нем в какой-то мере духовный облик всех народов России»⁴.

Таким образом, нравственность и культура являются теми сферами российской социальной жизни, в которых возможно «идеологическое соглашение» между различными идеологиями как функциональными сторонами традиционных религий и отно-

---

¹ Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // Собрание сочинений в 12 т. Т. 2. – М.: Мартис, 1998. – С. 135.

² Там же. – С. 137.

³ Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // Собрание сочинений в 12 т. Т. 2. – М.: Мартис, 1998. – С. 139.

⁴ Там же. – С. 137.

сительно новых квазирелигий. Важным условием для такого соглашения является принципиально не деструктивный характер мировоззренческих вероисповеданий, и такое условие, на наш взгляд, в современной России в основном соблюдается. Поиск других механизмов консолидации народных сил, конечно, возможен, и с этим поиском стоит поспешить, поскольку насущнейшей задачей современности становится переосмысление мировоззренческих оснований российского общественного сознания, необходимое для того, чтобы всем нам выстоять в грандиозном идеологическом противостоянии и выйти из него обновленными.

Какие же можно сделать практические выводы из всего вышеизложенного?

1. В условиях поликонфессионального российского общества, формулируя его идеологические приоритеты, необходимо ясно осознавать наличие конкретной множественности основанных на вере и религиях/квазирелигиях идеологий и стремиться к осуществлению конструктивного мировоззренческого диалога, насколько это позволяют сделать современные социальные реалии.

2. Причем, вследствие принципиальной разнокачественности догматически-религиозных оснований, точки соприкосновения в этом диалоге следует искать не в вероисповедной области, а прежде всего – в нравственно-практической, от состояния которой зависят как политическая, так и экономическая сферы общественного бытия. Спор о догматах между христианами и мусульманами, иудеями и буддистами, традиционно верующими и принципиальными атеистами не конструктивен, напротив, он будет являться дестабилизирующим общественную жизнь фактором. Однако все российские религии и даже квазирелигии несут на себе отпечаток общей отечественной традиции, что создает множество точек соприкосновения между ними, это во-первых, и, во-вторых, давно подмечено, что все религии, несмотря на свою разнокачественность, декларируют схожие нравственные нормативы, что легко объяснимо тем, что в их создании принимает активное участие человек, а он сущностно везде и всегда одинаков.

3. Крайне опасны попытки искусственного конструирования единой для всех народов и вер России государственной идеологии, ведь нужно помнить и, главное, понимать, что представления о

месте и роли государства в социокультурной жизни у верующих коммунистов, христиан, мусульман, буддистов всегда будут отличаться, что идеологии и вероисповедания, как выяснено, взаимосвязаны. За всякой органической идеологией стоит социальная вероопределенность, а не государство, которое обязано обеспечить мирные условия для органического развития конкретного множества вер, религий и идеологий (и лучше – традиционных, проверенных временем). Нужно изучать уроки истории: у всех создателей тоталитарных идеологий XX века, надо полагать, были благие цели (исходящие из их собственного понимания блага), и никто из примкнувших к ним не желал, во всяком случае явно, тех последствий, с которыми человечество столкнулось лицом к лицу, неся при этом величайшие жертвы.

Однако отказ от единой государственной идеологии в российских условиях, конечно, не означает отсутствия необходимости конструктивно-творческой деятельности по достижению идеологического консенсуса, по определению общих идеологических ориентиров, приемлемых для большинства населения – ведь никто, за редким исключением, не будет возражать против того, чтобы наше государство стало, прежде всего, крепким, справедливым и нравственным. Творчество же всегда требует тишины и максимальной сосредоточенности. И еще времени.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАДИКАЛЬНЫМ НАСТРОЕНИЯМ В ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Майборода Э.Т.

*ФГБОУ ВО «Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»,
г. Санкт-Петербург*

Для Российской Федерации обеспечение информационного суверенитета является одной из важнейших задач, которая приобретает особую актуальность, потому что успешное осуществление модернизации общества, проведение реформ в политической, экономической, социальной, военной и других областях могут быть эффективными при условии внутренней стабильности, гражданского мира, надежной безопасности страны в условиях нарастания напряжённости в международных отношениях, возникновения кризисных явлений на постсоветском пространстве, обострения внешних и внутренних угроз и опасностей информационного характера.

Анализ теоретических и методологических исследований по проблемам формирования информационного суверенитета как фактора обеспечения социально-политической и экономической безопасности современного российского общества позволил выделить следующие принципы, на которых должно быть построено противодействие радикальным настроениям в информационно-сетевом пространстве:

- 1) принцип интеграции и взаимодополнения, реализуемый в работе государственных и общественных структур;
- 2) принцип адресной направленности – методы и мероприятия, связанные с противодействием радикальным настроениям, должны быть ориентированы на ценностные составляющие фор-

мирования различных возрастных, социальных, национальных и конфессиональных групп¹.

Эти принципы позволяют выработать модель социального партнерства общества и государства в информационной среде с целью развития системы противодействия радикальным настроениям этноконфессиональной и политико-экономической направленности.

Противодействие радикализму в информационной среде Юга России находится в непосредственной связи с проблемой формирования гражданской идентичности. При этом процесс изменения значимости различных сегментов СМИ в России в целом, и в южном макрорегионе, в частности определяет необходимость внедрения механизмов общегражданской идентичности, в первую очередь через телевидение и Интернет, что обеспечивает широкий охват аудитории.

На основе проведенного контент-анализа регионального массмедийного пространства выделены следующие группы публикаций, требующие соблюдения основ лингвистической безопасности медийного текста: сюжеты об этносоциальном развитии и культурной самобытности народов региона, сюжеты об межконфессиональных отношениях, сюжеты о процессах этнической миграции, сюжеты, освещающие межэтнические противоречия и конфликты.

Сюжеты, посвященные этносоциальному развитию и культурной самобытности, призваны иллюстрировать объективную полиэтничность и поликонфессиональность Северо-Кавказского региона, исторические судьбы народов, современное культурное взаимодействие и обмен. Праздники служат инструментом консолидации народов Северного Кавказа, средством воспитания через возрождение стремительно уходящих под натиском глобализации традиционных норм поведения и публичного общения, попыткой обрести новую идеологию взамен утраченных иллюзий эпохи коммунизма-социализма.

---

¹ См.: Востриков С.В. Медиакультурные трансформации и безопасность России в контексте глобализации // Известия Смоленского государственного университета. – 2012. – № 3 (19). – С. 221-230.

Идеологически насыщенными, социально одобряемыми и безопасными с точки зрения лингвистической безопасности являются сюжеты, посвященные сохранению и развитию родного языка и объединяющей роли русского языка. Самой сильной в аналитическом плане была статья в «Грозненском рабочем» – «Борьба за язык» в ней поднимались проблемы речевого суррогата и упоминается вердикт Юнеско»¹.

Для определения качества подачи материала об этносоциальном развитии и культурном разнообразии региональными СМИ эффективным является выделение и классификация тем, проблем, идей, образов, лексической системы и художественных средств. Характерологическими признаками являются специфические этнические маркеры, слоганы, бренды – этнические лексемы (этнонимы, специфические этнологические, этносоциологические, этнополитологические термины)². Также самостоятельным индикатором выступают заголовки публикаций. Особое значение имеют публикации, в которых прямо упоминаются этнонимы, этнические имена, фамилии, названия этнических (национальных) праздников, географические названия.

Региональные СМИ отражают доктрину власти, которая является консервативно-охранительной. Дискурс публикаций в большинстве случаев является патриотическим, традиционалистским, политкорректным. Присутствует осторожность в формировании информационной повестки, в выборе тем и языковых средств их выражения. Основная часть публикаций, касающихся вопросов межэтнических отношений – это море «официоза» проблемного характера: информация Управления пресс-службы Губернатора Ставропольского края, пресс-службы Главного управления Министерства внутренних дел России по Ставропольскому краю (о круглых столах, пресс-конференциях и брифингах).

---

¹ Борьба за язык // Грозненский рабочий. – 2013. – 6 августа.

² См.: Аствацатурова М.А., Абрамян В.Р. Этносоциальный и этнополитический контент СМИ Ставропольского края в условиях современных рисков Северо-Кавказского федерального округа // Журналист. Социальные коммуникации. – 2013. – № 1. – С. 71-80.

Средствами обеспечения национальной безопасности в новой Стратегии национальной безопасности России определены «технологии, а также технические, программные, лингвистические, правовые, организационные средства, включая телекоммуникационные каналы, используемые в системе обеспечения национальной безопасности для сбора, формирования, обработки, передачи или приема информации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению»¹. В Стратегии национальной безопасности России обозначены векторы основных рисков и угроз в сфере информационно-гуманитарной безопасности, непосредственно влияющих на региональную безопасность Юга России: «глобальное информационное противоборство, националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма»². Информационное пространство – это исторически сформировавшаяся, технологически обусловленная средствами коммуникации, обеспечивающая наибольшую меру доступности для потребителя, форма скоординированных и структурированных, территориально близких и удаленных информационных ресурсов, аккумулирующих результаты коммуникационной деятельности людей. В условиях современного информационного пространства формируется особый тип культуры – информационный, выступающий основным элементом культурной трансформации.

---

¹ См.: Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 10.10.2019).

² См.: Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 10.10.2019).

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Муликова Н.А.

*ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Ставрополь*

На сегодняшний день практически ни у кого не вызывает сомнения важность использования социальной рекламы для формирования общественного сознания в условиях трансформирующегося общества. Именно через социальную рекламу возможна трансляция определенных ценностных установок, необходимых для создания единого информационного пространства, наполненного общечеловеческими ценностями.

Прежде чем выявить механизм воздействия и восприятия социальной рекламы, необходимо определиться в категориальной сущности данного феномена. Несмотря на очевидность ее существования, все-таки имеется достаточный арсенал пониманий, который выливается в многообразие определений социальной рекламы.

В Федеральном Законе Российской Федерации «О рекламе» дается следующее определение: «Социальная реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства»¹.

Опираясь на небольшой опыт исследований феномена социальной рекламы, необходимо отметить следующие точки зрения.

М.И. Пискунова рассматривает социальную рекламу как информацию, представляющую общественные или государственные интересы и направленную на достижение благотворительных це-

---

¹ Федеральный закон РФ от 13.03.2006 г. № 38 – ФЗ «О рекламе». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения 01.11.2019).

лей, оформленную таким образом, чтобы оказать направленное воздействие на массовое, корпоративное и индивидуальное сознание с целью вызвать определенную реакцию целевой аудитории¹. Представленная позиция не идет вразрез с определением, данным в Федеральном Законе «О рекламе», а даже конкретизирует его в плане выявления реакции целевой аудитории.

Следует согласиться с мнением другого исследователя данного явления О.В. Колокольцевой в том, что социальная реклама представляет собой сложное, многоаспектное, требующее всестороннего анализа с различных точек зрения социокультурное явление². Проблемы, касающиеся социальной рекламы, представляют достаточно широкий спектр вопросов, которые затрагивают психологические, политические, экономические, идеологические и, конечно же, социальные стороны изучаемого явления, а также затрагивают вопросы рассмотрения места и роли социальной рекламы в системе общественных отношений и в системе массовой коммуникации.

Одним из наиболее емких, но, тем не менее, раскрывающих суть, является определение социальной рекламы, представленное В.В. Ученовой и Н.В. Старых: «Социальная реклама как явление – это один из потоков массовой информации, который ориентирован на гуманизацию общественных отношений»³. Эта точка зрения как нельзя лучше рассматривает социальную рекламу как фактор формирования ценностных установок.

Из приведенных выше определений можно сделать вывод о том, что важнейшая особенность и свойство социальной рекламы – трансляция определенных социокультурных образцов и ценностей, способных оказывать культурно-психологическое воздействие на человека. Социальная реклама пропагандирует нормы

---

¹ Пискунова М.И. Социальная реклама как феномен общественной рефлексии // Паблик рилейшнз и реклама в системе коммуникаций. – М.: МГУ, 2004. – С. 173.

² Колокольцева О.В. Социальная реклама в процессе формирования ценностных установок трансформирующегося общества / Под ред. С.И. Барзилова. – Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2003. – С. 6.

³ Ученова В.В., Старых Н.В. Социальная реклама. – М.: ИндексМедиа, 2006. – С. 3.

нравственности, правила поведения, тем самым способствует формированию гражданской и цивилизационной идентичности.

Предметом социальной рекламы является идея, которая должна обладать определенной социальной ценностью. Вследствие чего, целью социальной рекламы должно являться изменение отношения общества к какой-либо проблеме, а в долгосрочной перспективе – выработка новых социальных ценностей. Долгосрочная ориентация свойственна социальной рекламе, которая стремится внести в общество такие общегуманистические ценности, как мирное сосуществование, терпимость к инакомыслию, просвещенность, доброту, способность к взаимопониманию, привязанность к близким людям, формирование патриотических чувств и т.д. Естественно, что процесс формирования ценностных установок в общественном сознании длителен и требуется продолжительный промежуток времени, вплоть до нескольких десятилетий, чтобы изменить мировосприятие членов общества. Поэтому важно постоянно и планомерно вводить в информационное пространство социальную рекламу, основанную на гуманистических ценностях.

Как мы уже отмечали, реклама не только транслирует ценности общества, в котором она существует, но и формирует их. В связи с этим Л.Н. Федотова отмечает: «... утверждая ценности, разделяемые всеми членами общества, ... реклама способствует сохранению стабильности общества, а участвуя в формировании новых ценностей, задает ориентиры в движении социума, содействует его трансформации»¹.

Эффективность социальной рекламы обусловлена степенью соответствия ценностным ориентациям, отраженным в данном информационном потоке и разделяемым обществом. Успех или неуспех ее прямо определяется общим ценностным полем воспринимающих ее людей. Таким образом, если реклама для достижения своих целей апеллирует к доминирующим в обществе социально-психологическим ценностям и мотивациям, то она в свою очередь может служить примером ценностей и мотиваций, распространяемых в обществе. Вместе с тем, важно иметь в виду и дру-

---

¹ Федотова Л.Н. Социология рекламной деятельности. – М.: Гардарики, 2002. – С. 35.

гой аспект проблемы взаимосвязи общества и рекламы, а именно влияние общественных процессов на функционирование рекламы как общественного института. Реклама как институт формирует символическое социальное пространство и через систему символов легитимирует социальную жизнь. Социальная реклама не только задает стандарты поведения в той или иной ситуации, но и в значительной степени определяет мораль общества и его этические параметры, выступает как самый активный пропагандист ценностей. Интересно мнение американского социолога Дж. Бузи, который считал, что рекламные объявления играют основополагающую роль в создании привычек и обычаев, а также в распространении и закреплении культурных и исторических клише.

Специфика социальной рекламы состоит в том, что она отражает социальные проблемы общества и ориентирует человека на необходимость их решения. Рассматривая информационное пространство социальной рекламы, французский ученый Ж.-М. Дрю отмечает: «Об идеалах нации говорят ее рекламные объявления. В рекламе вы видите всю страну»¹. С ним можно согласиться. На самом деле реклама какой-либо страны о многом говорит: об общем уровне культуры, о доминирующих ценностях, о наличии тех или иных потребностей, жизненных целей, об объединяющей идее и т.д. Субъект, воспринимая рекламу, с необходимостью реализует поведенческие нормы, заложенные в социальной рекламе.

Необходимо тщательно отбирать рекламные технологии, осторожно их использовать, чтобы в целом не разрушить то коммуникативное пространство, которое сложилось, приносить в него не деструктивные моменты, а наоборот, созидательные. Тогда социальная реклама, опирающаяся на общероссийские ценности, может стать важным интеграционным фактором межнационального сближения и взаимодействия в российском обществе.

---

¹ Дрю Ж.-М. Ломая стереотипы / Пер. с англ. под ред. Л.А. Волковой. – СПб.: Питер, 2002. – С. 20.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Орлянский С.А., Орлянская Е.Н.

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,

г. Ставрополь

Министерство образования Ставропольского края,

г. Ставрополь

В современном российском обществе проблеме идентичностей уделяется все больше внимания. В научных публикациях особый акцент делается на изучении цивилизационной, гражданской, национальной, религиозной, этнической, гендерной идентичностей. Вместе с тем, актуальная для современного общества проблема этнокультурной идентичности рассмотрена недостаточно. На рубеже XX и XXI веков общество открыло для себя новый феномен – этническое возрождение или этнический парадокс современности, сущность которого заключается в значительном повышении роли этничности в общественных процессах, возрождении интереса к этнической идентичности, языку, культуре, обычаям, традициям, образу жизни на фоне нарастающей интернационализации экономической и социально-политической жизни, глобализации человеческой деятельности¹.

Интенсивное развитие межкультурных контактов актуализирует исследование проблемы этнической идентичности. Это обусловлено рядом причин:

во-первых, модернизационными процессами в современном российском обществе;

во-вторых, возросшей ролью этнической идентичности в системе этносоциальных отношений;

---

¹ См.: Мухина В. С., Павлов С. В. Психология этнической идентичности детей коренных малочисленных народов Севера // Развитие личности. – 2001. – №3-4. – С. 55-75.

в-третьих, поиском путей, способствующих интеграции современного российского общества.

Для человека этническая идентичность означает осознание им своей принадлежности к определённой этнической общности. Этническая идентичность служит основанием для осознания самобытности и неповторимости своего этноса, своей культуры. Этническая идентичность даёт индивиду и широкие возможности для самореализации. Эти возможности опираются на эмоциональные связи с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней¹. Этническая идентичность включает в себя представления индивида о своем этносе, а также чувства и намерения, связанные с этими представлениями².

Итак, этническая идентичность – это не только принятие определённых групповых представлений, готовность к сходному образу мыслей и разделяемые этнические чувства, но и построение системы отношений и действий в различных межэтнических контактах. С помощью этнической идентичности индивид определяет своё место в полиэтничном обществе и усваивает способы поведения внутри и за пределами своей этнической группы.

В структуре этнической идентичности выделяют этнокультурную идентичность, которая определяется как сложный социально-психологический феномен, не просто сводимый к идентификации индивида с этнокультурным образованием, но также включающий в себя глубинное сознательное и бессознательное переживание этой общности и обусловленные культурой формы ее проявления, как индивидуальные, так и коллективные.

Этнокультурная идентичность является выражением человеческой свободы, ее реализации и основывается, прежде всего, на этнокультурном разнообразии мира. Социокультурные особенности идентификации оговариваются современным культурным

---

¹ См.: Мухина В. С., Павлов С. В. Психология этнической идентичности детей коренных малочисленных народов Севера // Развитие личности. – 2001. – №3-4. – С. 55-75.

² См.: Винер Б. Е. К построению качественной регрессионной модели этнической идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии, 1998. Т. 1. – № 3. – С. 119-145.

плюрализмом и повышенным вниманием к различиям, и одновременно тенденциями к объединению, детерминированными глобализацией.

Чаще всего этнокультурная принадлежность осознается и переживается индивидом на ментальном уровне, как данность, и проявляется посредством общности языка и культуры, отличия от языка и культуры представителей иноэтничных общностей. Анти-теза «мы» – «они», свойственная феномену идентичности в целом, в случае с этнокультурной идентичностью манифестируется через набор внешних маркирующих черт и характеристик, наглядно атрибутирующих данную культуру и уровень ее самобытности.

И.В. Малыгина выделяет основные структурные компоненты этнокультурной идентичности – самосознание, чувства и ментальность.

Первым компонентом, по мнению И.В. Малыгиной, является самосознание народа, которое проявляется посредством целого комплекса разворачивающихся во времени и взаимосвязанных рефлексивных процессов:

- осознанная дифференциация общности, ее выделение из ряда подобных образований на основе комплекса этнокультурных признаков;
- мифологизация исторической судьбы народа – территории, языка, культуры, образа жизни;
- формирование авто- и гетеростереотипов, обусловленных не только осознанием, но и оценкой качества собственной этнокультурной самобытности, выработка субъектных самоидентификатов.

В качестве второго компонента этнокультурной идентичности И.В. Малыгина выделяет чувства. Феномен этнокультурной идентичности отражает процессы глубинного эмоционального переживания и манифестации единства этнической общности, поэтому целесообразно говорить о наличии аффективно-эмоционального аспекта в структуре этнокультурной идентичности, который представляет собой совокупность чувств, складывающихся из эмоциональных форм отношения к собственному этносу или государству (родной природе, языку и культуре, к родному народу и его истории, привычному образу жизни и быта и т.д.).

Третьим компонентом этнокультурной идентичности является ментальность этноса, которая образует потенциальную, латентную сферу этнокультурной идентичности. Поскольку ментальность значительно менее мобильна, чем самосознание этноса, она не столько фиксирует актуальные основания этнической консолидации, сколько содержит в себе «память» о многовековом опыте адаптации этноса ко всем природным, историческим и культурным обстоятельствам, влияющим на его целостность и функциональность.

В структуре этнокультурной идентичности выделяют поведенческий аспект, который включает в себя различные исторические и обусловленные культурой формы репрезентации и манифестации социокультурного единства, самой архаичной и устойчивой из которых, бесспорно, является ритуал¹.

Как отмечает Г.А. Морзавченков, глобализация и связанные с ней интеграционные процессы с помощью средств массовой коммуникации, сети Интернет, развития новых видов транспорта стирают территориальные и культурные границы между этносами. Имея своей целью обеспечение наиболее эффективных условий коммуникации, диалога культур, эти процессы зачастую исключают принцип многообразия, способствуя унификации культурных стандартов. Веками формировавшиеся механизмы преемственности поколений и организации коммуникативного пространства этносов разрушаются, что, в свою очередь, приводит к кризису идентичности. В этих условиях особую актуальность приобретает проблема поиска таких механизмов этнокультурной идентификации, которые помогут сохранить национальное своеобразие, специфические черты того или иного этноса. Одним из таких механизмов и критериев этнокультурной идентичности является язык, который в контексте современной коммуникативной ситуации приобретает особую актуальность².

---

¹ См.: Малыгина И.В. Этнокультурная идентичность: онтология, морфология, динамика: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 2005.

² Морзавченков Г.А. Критерии этнокультурной идентичности в условиях глобализации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2010, № 1 (17). – С. 142.

Мы согласны с мнением И.В. Малыгиной, что все элементы этнокультурной идентичности, оставаясь по форме неизменными на разных этапах развития этнической общности и у разных народов, в конкретно-исторических обстоятельствах наполняются новым ценностным содержанием.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Попов М.Е.

*ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Ставрополь*

Региональные конфликты идентичностей необходимо рассматривать в контексте глобальных социокультурных сдвигов, затрагивающих все формы коллективных идентичностей в современном мире. В современной России противоречивые политические и социально-экономические трансформации последних десятилетий стали социокультурной детерминантой и метасредой протекания трудноразрешимых ценностно-идентификационных конфликтов. Анализ взаимосвязи конфликтности и идентичности приводит к мысли о системных противоречиях как основаниях региональных конфликтов идентичностей, обусловленных факторами социокультурной дезинтеграции: кризисом гражданской идентичности, неудовлетворенностью и дисбалансом в базовых потребностях равенства, справедливости, безопасности. Реализация политики социокультурной интеграции на региональном уровне направлена на обеспечение ценностно-политической консолидации мультиэтнических и мультикультурных сообществ. Социальная стабильность и модернизационная активность российских регионов напрямую зависят от масштабов интеграционной политики. Северный Кавказ как один из наиболее нестабильных российских регионов входит в число главных объектов интеграционных процессов¹.

На Северном Кавказе политизация этничности как фактор социальной напряженности напрямую зависит от остроты коллективного восприятия и переживания угроз «этнополитической безопасности». Формирующиеся в архаизированном иерархическом пространстве этносоциального неравенства и этнокланового авто-

---

¹ Попов М.Е. Политика социокультурной интеграции: основные теоретические подходы // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 1. – С. 99-115.

ритаризма радикальные этнополитические идентичности непрерывно «корректируют» содержание всей российской политики, обладая «обратной связью» с властными институтами. В ситуации непрерывающейся этнополитизации модернизационная интенция формирования надэтнической гражданской идентичности в Северо-Кавказском регионе редуцируется к конфликтогенному проекту этнорелигиозного неотрадиционализма. По словам Д. Смита, «причиной вооруженных конфликтов служат не этнические различия как таковые, а этническая политика. Опасность возникает тогда, когда этнические различия начинают определять политические пристрастия, и когда происходит политизация этнической идентичности... Трагедия заключается в том, что как только этническая маска надета, ее очень трудно сбросить. Пробужденное чувство групповой идентичности использует негодования и обиды, чтобы сплотить людей, особенно в периоды кризиса или войны, и при этом порождает, казалось бы, непримиримую ненависть, которая становится источником затяжных, часто циклических конфликтов»¹.

Конфликты идентичностей опасны тем, что в их генезисе и динамике социальная неудовлетворенность будет с высокой степенью вероятности политизирована; воздействие этнополитических установок к насилию состоит в том, чтобы сконцентрировать социально-агрессивный потенциал в точке культурной непримиримости. Величина этнополитического насилия в конфликтах идентичностей детерминирована интенсивностью социальной неудовлетворенности и масштабами институциональной поддержки, являющимися условиями открытого противостояния. Как отмечает Т. Гарр, «каким бы интенсивным и сосредоточенным ни был порыв к насилию, на его актуализацию в конкретной политической общности оказывают сильное влияние типы коерсивного контроля и институциональной поддержки. Если режим и те, кто ему противостоит, обладают приблизительно равными степенями коерсивного контроля и институциональной поддержки, мы будем иметь

---

¹ Смит Д. Причины и тенденции вооруженных конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра. – М., 2007. – С. 127-128.

дело с политическим насилием максимальной величины, и оно с наибольшей вероятностью примет форму внутренней войны»¹.

В качестве макросоциального фактора, определяющего специфику этнической напряженности на Северном Кавказе, выступает масштабная экономическая фрагментация, на которую накладывается социокультурная: регионализация в этих условиях приобретает выраженный конфликтогенный характер. В этноконфликтологии в отличие от подхода урегулирования авторы концепции разрешения конфликтов считают затяжные идентификационные конфликты естественным следствием неудовлетворенных потребностей, когда «источником затяжного конфликта служат базовые потребности его участников (например, в идентичности, безопасности и справедливости распределения). Такое понимание конфликта сложилось под влиянием идей “подхода мирового общества” и “теории человеческих потребностей”, разработанных Дж. Бертоном. Эта теория постулирует универсальное стремление к удовлетворению базовых и жизненных потребностей, таких, как безопасность, идентичность, признание, пища, кров, защита, представительство, справедливое распределение и развитие. Исходя из этого, модель разрешения конфликта не стремится искоренить конфликты как таковые, признавая при этом, что их ненасильственная разновидность играет важную роль катализатора социальных перемен. Следовательно, целью разрешения конфликта становится устранение насильственных и деструктивных форм его появления, корни которых уходят в опасения и неудовлетворенные потребности конфликтующих сторон. Основная задача в этом случае помочь сторонам осознать свои базовые потребности в идентичности, безопасности, интеграции, а затем использовать это для переоценки своих интересов и позиций»².

Социокультурная интеграция на основе устойчивой гражданской идентификации, надэтнических и секулярных ценностей заметно снижает социальную напряженность, что связано с уменьшением потребности объяснения социально-экономических проблем посредством негативной стереотипизации «других» как эт-

---

¹ Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб., 2005. – С. 53.

² Райманн К. К трансформации конфликта: обзор современных теорий урегулирования конфликтов // Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра. – М., 2007. – С. 60.

нических «врагов». Социокультурная интеграция указывает на базовые рационально-коммуникативные принципы, консолидирующие субъектов в социальном пространстве на основе взаимного признания и принятия общегражданских ценностей и норм¹.

Модернизационные и интеграционные процессы в российском обществе развиваются асинхронно; в этой ситуации реакция этнополитических групп на паллиативную модернизацию с комплексом нерешенных социальных проблем часто бывает враждебной, что усиливает региональный традиционализм и формирует конфликтогенные идентичности. В этой связи социокультурная интеграция становится единственным антиконфликтогенным источником социального консенсуса в процессе урегулирования трудноразрешимых региональных конфликтов. В северокавказском социуме, когда в конфликты идентичностей вовлекаются этнокультурные различия, стратегия интеграции должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении различий, но на принципах культуры мира как мировоззренческом фундаменте гражданско-политического единства.

На Северном Кавказе стратегия интеграции должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении этнических и культурных различий, но на демократических принципах социальной справедливости и равноправия, политического участия, социальной инклюзии, равенства возможностей, консенсуса и гражданской солидарности. При обсуждении антиконфликтных механизмов политики социокультурной интеграции необходимо учитывать следующее: во-первых, интеграция – макрополитический проект, содержание которого в значительной степени определяется проблемами обеспечения национальной безопасности России; во-вторых, развитие северокавказского макрорегиона после окончания вооруженных этноконфликтов показывает недопустимость ориентации на фундаментализм, изоляционизм и автаркию этнических систем в рамках единого политического пространства².

---

¹ Попов М.Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: общероссийский и региональный аспекты. – Ставрополь, 2011. – С. 41.

² Попов М.Е. Политика социокультурной интеграции: основные теоретические подходы // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 1. – С. 99-115.

КУЛЬТУРА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Тапешкина С.А.

*ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Ставрополь*

Проблемы национальных и религиозных конфликтов, массовой ксенофобии приобрели сегодня острый характер во всем мире. Крайне важно формировать культуру межнационального общения как основного механизма профилактики ксенофобии и экстремизма в образовательной среде.

Теоретическим и практическим аспектам деятельности педагогических коллективов образовательных учреждений по преодолению негативных тенденций среди части населения страны, в том числе учащейся молодежи, посвящено множество работ.

Население российских городов и сёл сегодня становится всё более мультинациональным, всё больше представителей разных народов, разных конфессий и этнических групп мы встречаем на улицах, на предприятиях, в образовательных учреждениях. С целью предотвращения социальных рисков и исходя из вышеуказанных факторов, мы обязаны учить нашу молодёжь взаимодействовать, понимать и принимать этих людей, просто жить рядом с ними.

Особое значение для обеспечения национального единства на современном этапе развития общества приобретает консолидация российского многонационального народа в лице его граждан и институциональных структур, в первую очередь, вокруг системы образования, которая оказывает все возрастающее влияние на различные стороны социально-политической жизни страны.

В условиях современного общества отмечается нарастание характерных тенденций, в частности, отражающих снижение роли семьи, как социального института. Благодаря усилиям органов управления образованием, педагогических коллективов образовательных учреждений осуществляется деятельность по профилак-

тике экстремизма, ксенофобии и другим направлениям социализации молодого поколения страны.

Однако реализуемая система мер по профилактике ксенофобии и экстремизма, в значительной степени, недостаточна. Данное направление работы нуждается в дальнейшем совершенствовании, в связи с возрастанием внешних воздействий и угроз, исходящих от различных враждебных по отношению к России сил и группировок. Они представляют широкий спектр транснациональных преступных синдикатов и террористических организаций, ведущих ожесточенную борьбу за сырьевые рынки и сферы влияния. Данные силы заинтересованы в ослаблении российской государственности путем разрушения общенациональных культурных традиций и единой национальной идентичности граждан России, а также разобщения отдельных этносов.

Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркивает: «Гражданский мир и межнациональное согласие – это не один раз созданная и на века застывшая картина. Напротив, это постоянная динамика, диалог. Это кропотливая работа государства и общества, требующая очень тонких решений, взвешенной и мудрой политики, способной обеспечить «единство в многообразии»¹.

Полиэтничность, поликонфессиональность Российской Федерации актуализирует формирование культуры межнационального и межконфессионального общения в молодежной среде. Особую значимость сегодня приобретает владение педагогическим сообществом современными инновационными технологиями в сфере реализации социальных проектов, направленных на профилактику экстремизма. Важно отметить, что эффективность применяемых технологий в значительной степени определяется личным примером педагогов и способностью в повседневной деятельности выступать носителями толерантного сознания, а также общим уровнем духовно-нравственной культуры².

---

¹ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012-01-23 // <http://www.rg.ru/2012/01/23/nacvopros.html>

² См.: Искусство жить с непохожими людьми / [авт. коллектив: Солдатов Г. У. и др.; под ред. А. Г. Асмолова, Г. У. Солдатовой, А. В. Марчук]. – Москва: Московия, 2009. – 311 с.

Действительный академик Российской академии образования, заведующий кафедрой психологии личности факультета психологии Московского государственного университета А. Г. Асмолов в монографии «Искусство жить с непохожими людьми» выделяет ключевой тезис о том, что «в мировоззрении, основанном на поддержке единства многообразия культур, происходит переход, сравнимый с переходом от мира классической физики Ньютона к множественным мирам Эйнштейна. Подобный переход расширяет Вселенную, в которой идёт становление личности граждан России от культуры полезности к культуре достоинства»¹.

В мировой науке предложены различные концепции о развитии межэтнических отношений и накоплен богатый теоретический материал.

Межэтнические отношения являются сферой научных интересов представителей различных школ и направлений, основу которых заложили фундаментальные труды психологов и философов В. Вундта, М. Лацаруса, Г. Лебона, Г. Тарда, А. Фуллье, Г. Штейнталя. Межэтнические отношения являются предметом изучения психологии, социологии, политологии, конфликтологии, истории, социальной антропологии и философии².

Как же на практике формировать у современной российской молодежи межэтническую, межкультурную и межконфессиональную толерантность? Как сформировать толерантное мышление и толерантное сознание? Ведь формирование толерантности основано на взаимопроникновении культур. Но как обеспечить это взаимопроникновение культур без ущерба для самих этих культур? Как сохранить их неповторимость и уникальность, что с исторической точки зрения самоценно?

По данным опроса, проведенного нами среди социальных педагогов Ставропольского края и учащихся 11 класса одной из общеобразовательных школ, 19% учащихся и 7% педагогов согласи-

---

¹См.: Искусство жить с непохожими людьми / [авт. коллектив: Солдатова Г. У. и др.; под ред. А. Г. Асмолова, Г. У. Солдатовой, А. В. Марчук]. – Москва: Московия, 2009. – 311 с.

²См.: Педагогика межнационального общения: учеб. пособие / под ред. Д.И. Латышиной. – М. 2004. – 320 с.

лись с утверждением, что «истинной может быть только одна религия». С утверждением, что «есть нации и народы, к которым трудно хорошо относиться», согласились 46% детей и 25% педагогов. На наш взгляд, особую обеспокоенность вызывают ответы на вопрос о том, что «государство имеет право в своих интересах пойти на ущемление какой-либо нации», поддержали безоговорочно 27% одиннадцатиклассников и 10% педагогов, а также 23% детей и 20% взрослых допустили такую возможность (поставили знак вопроса)¹.

Таким образом, толерантность – терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям является нравственным качеством и формируется в социуме в интересах, в первую очередь для достижения гармонии и взаимопонимания между социальными субъектами и группами, а также его консолидации и развития. Данную цель призваны реализовать, прежде всего, образовательные учреждения и другие институты воспитания.

Только совместные усилия учителей, социальных педагогов и психологов образования могут усовершенствовать работу по профилактике экстремизма и ксенофобии в образовательной среде и воспитать нашу молодёжь в духе толерантности.

---

¹ Тапешкина С.А., Колесникова И. А. Потенциал развития туризма в решении проблем межкультурной коммуникации / Проблемы, опыт и перспективы развития туризма, сервиса и социокультурной деятельности в России и за рубежом: материалы I Всероссийской (с международным участием) научно-практической интернет-конференции. – Чита: Изд-во Забайкальского государственного университета, 2013. – С. 181-184.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ КОНФЛИКТОВ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

Тишкевич Э.В.

*ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Ставрополь*

Развитие Северо-Кавказского региона происходит в обстоятельствах традиционалистского противодействия российским модернизационным процессам, постоянной этносоциальной и этнополитической напряженности, перетекающей в затяжные конфликты идентичностей. Региональные конфликты идентичностей, детерминированные ценностными противостояниями традиционализации и модернизации, разрушают интеграционную основу гражданской идентичности. Этнополитические процессы на Северном Кавказе в первом десятилетии XXI века изменили характер угроз региональной и социальной безопасности посттрадиционной России по сравнению с началом и серединой 1990-х годов¹.

В начале XXI века произошла деэскалация вооруженных этнополитических конфликтов, однако радикальный этнонационализм, стимулирующий террористическую деятельность и региональные конфликты идентичностей, свидетельствуют об институциональной деградации гражданской культуры и дестабилизации демократических процессов в южнороссийском регионе.

Проблема обеспечения региональной безопасности Северного Кавказа в системе общественной безопасности посттрадиционной России становится ключевой: развитие Северо-Кавказского региона происходит в условиях перманентной этносоциальной и этнополитической напряженности, перетекающей в манифестированные конфликты идентичностей, перетекающие в вооруженную борьбу и «этнические войны»².

---

¹ Авксентьев В.А., Дмитриев А.В. Конфликтология: базовые концепты и региональные модели. – М., 2009. – С. 16-18.

² Магун В.С., Дробижева Л.М. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – М., 2016. – С. 23.

По словам А. В. Авксентьева и А. В. Дмитриева, «конфликты на Юге России – это конфликты довольно затяжного исторического действия... Социально-историческая память и культурно-исторические предпосылки в современных региональных конфликтах не «срабатывают» автоматически. Они актуализируются в результате ошибок федерального центра и местных властей в формировании и проведении современной этнополитики на Юге России, начиная с 1991 года, непрофессионального управления в сфере межэтнических отношений, национально-государственного строительства, переоценки принципа национального самоопределения, падения профессионализма управленческой и политической элиты... конфликты на Юге России имеют явный сложносоставной характер, и все, что связано, например, с историческими причинами, трансформируется, а чаще всего фокусируется элитами в конфликтогенность массового сознания и выступает одним из субъективных оснований конфликта»¹.

В качестве главного фактора, характеризующего специфику конфликтов идентичностей на Северном Кавказе, выступает качественная фрагментация его социокультурного пространства: при наличии единого экономического центра страны, куда перекачивается большая часть финансов, во взаимоотношениях «центр-периферия» нарушаются внутренние интеграционные функции. На территориальную поляризацию накладывается социокультурная: партикуляризм, традиционализм и демодернизация Северного Кавказа архаизируют региональные идентичности, препятствуя формированию общероссийской гражданской идентичности. Регионализация в данных обстоятельствах обретает конфликтогенное значение в общественной и политической жизни посттрадиционной России.

Е. И. Степанов обосновывает важность региональных исследований тем, что «общим для всех российских регионов является то, что повсюду в них социальная напряженность и провоцируемые ею конфликты, тем более выливающиеся в острые конфронтации, особенно с применением вооруженного насилия, затрудня-

---

¹ Авксентьев В.А., Дмитриев А.В. Конфликтология: базовые концепты и региональные модели. – М., 2009. – С. 22.

ет проведение социально-экономических и политических преобразований»¹.

Эксперты выделяют в качестве основной задачи работу с российскими региональными школами этнологии и конфликтологии, обосновывая ее не только изучением экономической и политической ситуации в регионе, но и выходом на непосредственных участников конфликтов, сотрудничеством с экспертами в национальных республиках. По мнению А. В. Глуховой и Е. Ю. Красовой, «этнический конфликт охватывает широкий круг явлений и часто маскирует неравномерное распределение экономической или политической власти, религиозную идентификацию сторон, языковой конфликт, контроль над землей и территорией»².

В современной науке важнейшим направлением развития региональной конфликтологии является геополитическое измерение конфликтов идентичностей. Глобализационные процессы в посттрадиционном мире и внимание общественных наук к этим процессам повлияли на развитие этноконфликтологии в начале XXI века, дополнив исследовательскую парадигму идеей единства глобальных и локальных факторов в детерминации этноконфликтных процессов (воздействия конфликтов идентичностей на международные отношения и международных отношений на внутригосударственные конфликты), концепцией этнического антрепренерства, связанной с идеей «мировой деревни» и объясняющей возрастание роли этничности и групповой безопасности в геополитической трансформации мира. Применительно к Северо-Кавказскому региону «геополитический фактор» региональных конфликтов идентичностей необходимо рассматривать в контексте медиативной роли Северного Кавказа в реализации геополитических

---

¹ Степанов Е.И. Теоретико-методологические проблемы изучения глобализации и регионализации как конфликтогенных факторов современной трансформации российского общества // Социальные конфликты в контексте процессов глобализации и регионализации. – М., 2015. – С. 38-39.

² Глухова А.В., Красова Е.Ю. Политико-психологические контроверзы этнических конфликтов // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып.18. Этническая и региональная конфликтология. – М. – Ставрополь, 2012. – С. 46.

интересов сопредельных с Россией стран как причину возможных вооруженных конфликтов¹.

Региональный конфликт идентичностей – это социокультурный конфликт, носителями которого могут быть этнические общности, действующие в регионе; это конфликт, детерминированный ценностными установками, социокультурными факторами регионального масштаба, специфически региональными этнополитическими реалиями и охватывающий прямо или косвенно несколько или большинство административных подразделений, входящих в регион.

Конфликтогенность Северо-Кавказского региона характеризуется как «реалистическими», так и «нереалистическими» конфликтами, однако доминируют неуправляемые конфликты идентичностей, перетекающие в насильственные конфликты. «Реалистическими конфликтами» являются региональные конфликты между различными ветвями федеральной власти, между центральной и региональными органами власти: в условиях анонимности собственности власть является предметом конфликтного противостояния в борьбе за право манипулирования ресурсами.

Северо-Кавказский регион является наиболее проблемным, нестабильным и конфликтогенным в посттрадиционной России. Геополитическое положение Северного Кавказа выдвинуло его в число регионов, важных с точки зрения обеспечения национальной безопасности России. Основная угроза российской безопасности в ближайшей перспективе будет определяться конфликтными социальными и этническими процессами, развивающимися на Юге России – углубляющимся этнополитическим кризисом, эскалацией конфликтов идентичностей, их трансформацией в открытые военные конфликты².

В этих условиях уровень развития гражданского общества, обеспечения безопасности российской идентичности и национальной безопасности государства находится в прямой зависимости от конструктивных способов разрешения конфликтов идентичностей,

---

¹ Авксентьев В.А., Дмитриев А.В. Конфликтология: базовые концепты и региональные модели. – М., 2009. – С. 36-37.

² Там же. – С. 47-48.

показателей общественной и региональной безопасности и устойчивого развития Северного Кавказа. Геополитическое значение Северного Кавказа характеризуется культурно-историческими формами воздействия пространственных особенностей его положения на локальные и глобальные процессы в посттрадиционной России.

Таким образом, специфика конфликтов идентичностей на Северном Кавказе обусловлена острым мировоззренческим противоречием между этнорелигиозной традиционализацией и рационально-светской модернизацией, социокультурным воспроизводством и заключается в конструировании и мобилизации радикальных коллективных идентичностей. Трансформационные процессы в регионе развиваются асимметрично, что усиливает конфликты идентичностей. В качестве факторов, определяющих специфику региональных конфликтов идентичностей, выступают фрагментация и дезинтеграция социокультурного пространства Северного Кавказа. Традиционализация и регионализация приобретают выраженный конфликтогенный характер, препятствуя формированию общероссийской системы социальной безопасности и развитию устойчивой гражданской идентичности.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Хачатрян Л.В.

*ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
г. Ставрополь*

Проблема идентичности в современных условиях приобрела глобальный характер. В условиях «текущей современности», глобальных вызовов национальная идентичность оказалась под вопросом, как и государственный суверенитет. Усложнение идентификационных процессов, связанное с появлением большого количества новых моделей идентификации, часто отрицающих традиционные гражданские, этнические и конфессиональные идентификационные шаблоны, бросает весомый вызов не только системе социальных отношений, но и затрагивает внутренний мир человека, которому приходится адаптироваться к постоянно меняющимся условиям бытия. Кризис идентичности на личностном уровне оказывает непосредственное влияние на развитие социальных, культурных и политических установок и вырабатывает понимание обществом роли и места России в современном мире, отношение к западным ценностям и институтам. Успешное формирование интеграционной идентичности позволит российскому обществу достойно ответить на многочисленные угрозы и вызовы современного мира и занять устойчивое место на международной арене, наряду с другими государствами.

В последние годы, учитывая условия современной геополитической ситуации, российское общество особенно нуждается в формировании и развитии идей, которые способствовали бы его консолидации. Социально-экономические трансформации современного мира и кризис, коснувшийся всех современных цивилизаций, ставят задачу основательного осмысления сущности и перспектив становления новой идентичности России в сегодняшнем мире. В то же время следует подчеркнуть, что в Российской Федерации, государстве, состоящем из множества этнических и конфессиональных групп, каждая из которых обладает своей культур-

ной спецификой, формирование общей интегрирующей идентичности имеет свои сложности.

Современное российское общество представляет собой сложное многоуровневое социальное пространство с множеством вариативных идентификационных стратегий для человека, предоставляющих ему большой выбор идентификационных ориентиров. При этом выбор человеком ориентиров идентификации не связан сегодня так жестко, как в традиционном обществе, с доминирующей культурой, аскриптивными по своему характеру определенными мировоззренческими установками и аксиологическими нормами. В связи с этим идентификационный профиль индивида современной цивилизации гораздо более сложен и многогранен.

В современной Российской Федерации наиболее широкий слой идентификационных ориентаций и состояния идентичности представляет общероссийская идентичность. М.М. Мчедлова отмечает: «Общероссийская идентичность, фиксирующая социокультурную самобытность российской цивилизации, является предельно широким уровнем культурного сомоотождествления индивидов, представляется одним из наиболее важных критериев определения самобытной российской цивилизации»¹. Более точное определение общероссийской идентичности дает Л.М. Дробижева: «Общероссийская идентичность понимается нами как отождествление себя с гражданами страны и государственно-территориальным пространством. Она предполагает наличие определенных представлений о государстве и стране, образа Мы, чувства общности, солидарности, ответственности за происходящее в стране»².

Структура современной российской идентичности включает в себя не только интегрирующие формы (государственную, гражданскую), но и, учитывая полиэтничный и поликонфессиональный характер российского общества, дезинтегрирующие фор-

---

¹ Мчедлова М.М. Российская цивилизация: вызовы XXI века: учебное пособие. – М.: РУДН, 2008. – С. 50.

² Дробижева Л. М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 27.

мы идентичности. К последним следует отнести этнические и конфессиональные идентичности, вступающие в жесткую конкуренцию с общероссийскими формами идентичности. Так, например, в некоторых регионах страны, особенно в республиках Северного Кавказа, гражданская идентичность уступает по значимости этнической и конфессиональной идентичностям, которые являются здесь ключевыми и определяющими. Как следствие, доминирование этих идентичностей на Северном Кавказе приводит к конфликтам на почве этнокультурных различий.

Этническая идентичность является частью социальной идентичности и связана с осознанием своего тождества с определенной этнической общностью и отождествление себя с представителями данного этноса. Согласно определению Л.М. Дробижевой, этническая идентичность – это сознание общности людей, базирующееся на представлениях о своей национальности, языке, культуре, истории, территории, интересах, эмоциональном отношении к ним и при определенных условиях готовности действовать во имя этих представлений¹.

Мнения ученых по поводу соотношения этнической и российской идентичностей расходятся. Одни указывают на несочетание этнической и российской идентичностей. Так, В.А. Авксентьев и М.Е. Попов подчеркивают, что «этнополитическая идентичность представляет собой серьезную альтернативу общероссийской и региональной идентичности». В разработанной ими концепции макросоциальной российской идентичности последняя определяется как «институционализируемая и символическая манифестация предмета конфликта»².

Другие авторы, напротив, отмечают, что конкуренция между этнической и общероссийской идентичностями постепенно утрачивает свою силу. Более того, основываясь на результатах опросов, М.К. Горшков утверждает, что ощущение близости с гражда-

---

¹ Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А.: Этносоциология. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – С. 35.

² Авксентьев В.А., Попов М.Е. Конфликты идентичностей в современной России: от советскости и далее // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – №3. – С. 196.

нами России совмещено с их этнической идентичностью, таким образом, национально-государственная и этническая самоидентификация не просто перестают конкурировать, а совмещаются в рамках общероссийской идентичности¹.

М.Х. Фарушкин пишет: «Этническая идентичность усиливает необходимость формирования общенациональной, гражданской идентичности. Формирование общероссийской идентичности не требует отказа от этнической»². Совместимость этнической и российской идентичности подтверждают и эмпирические данные. Так, согласно результатам массового опроса, проведенного в 1992 г., лишь немногим более трети (38 %) населения России идентифицировали себя с гражданами России, тогда как почти половина россиян (42 %) не могли понять, кем следует себя считать³. И даже по итогам опроса 2004 г. российская идентичность по масштабам интенсивности уступала этнической идентичности, и идентичности, основанной на общности людей по взглядам на жизнь, и профессиональной, и локальной идентичности. По результатам опроса 2004 г. россиянами ощущали себя три четверти опрошенных, а сильную связь с ними (часто чувствовали себя россиянами) – только 31 %⁴.

Спустя двадцать лет, определяя свою идентичность, 95 % респондентов в той или иной степени воспринимают себя гражданами России, при этом 72 % из них «в значительной степени» ощущают свою общность с гражданами России.

Активный научный интерес приобретает изучение идентичности на Юге России, что объясняется сложной этнической и кон-

---

¹ Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). – М.: Новый хронограф, 2011. – С. 301-304.

² Фарушкин М.Х. Этническая идентичность: концепт и практика // М.Х. Фарушкин // Ученые записки Казанского университета. Казань, 2010. – С. 251.

³ Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – С. 362.

⁴ Горшков М.К. Роль государства в сохранении и развитии национальной и гражданской идентичности и укреплении доверия в контексте глобальных процессов // Гуманитарий Юга России. – 2013. – С. 11-25.

фессиональной структурой региона. Результаты эмпирических исследований, направленные на выяснение соотношения общероссийской и этнической идентичности в регионах с контрастным этническим и конфессиональным составом, к числу которых относятся и Юг России, показывают, что на сегодняшний день на Юге России наблюдается относительное равновесие общероссийской и этнокультурной видов идентичности: более 40 % респондентов, в среднем по совокупности опрошенных регионов, чувствуют себя в равном отношении россиянами и представителями своей национальности (этнической общности). Еще от 17,2 % (в Республике Адыгее) до 28,3 % (в Ростовской области) опрошенных ощущают свою большую приверженность российской идентичности, нежели этнокультурной (исключение составляет Кабардино-Балкарская Республика). Российская идентичность слабее, чем этническая выражена в группе от 12 % до 26,7 % респондентов; в среднем, по опрошенным регионам эту позицию указали 17,1 %. Иными словами, большинство респондентов по всем регионам в той или иной степени причисляют себя к российскому государственно-национальному (политическому) сообществу¹.

Таким образом, можно отметить, что на Юге России с характерным поликультурным и поликонфессиональным составом населения и острыми проблемами пережитыми за последние два десятилетия, вызванными процессом суверенизации республик и межэтнической конкуренцией, судя по результатам массового опроса, произошла подвижка в сторону укрепления общероссийской идентичности при одновременном укреплении и развитии культур народов, представляющих этническую карту региона.

---

¹ См.: Волков Ю.Г., Дятлов А.В., Курбатов В.И., Сериков А.В. // Общероссийская и этническая идентичность на Юге России: соотношение и ресурсы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. – №4. – С. 156-161.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Авксентьев В.А.**, доктор философских наук, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Южный научный центр РАН», профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».
- Адиев А.З.**, кандидат политических наук, научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований «Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН».
- Аксюмов Б.В.**, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».
- Аствацатурова М.А.**, доктор политических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет».
- Багдасарова А.Б.**, кандидат философских наук, директор учебно-методического центра по профилактике терроризма и формированию российской идентичности, доцент кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».
- Вшивцева Л.Н.**, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».
- Гриценко Г.Д.**, доктор философских наук, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Южный научный центр РАН», профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет».
- Груднев В.О.**, аспирант кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».

- Желнакова Н.Ю.**, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».
- Иванова С.Ю.**, доктор философских наук, заведующая кафедрой социальной философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».
- Иванов В.В.**, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».
- Казиева А.М.**, доктор филологических наук, профессор кафедры словесности и педагогических технологий филологического образования Института переводоведения и многоязычия, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института филологии, руководитель Центра северокавказских языков и культур, руководитель Северо-Кавказского Центра евразийских исследований ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет».
- Казиева Д.А.**, кандидат филологических наук.
- Лагунов А.А.**, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».
- Майборода Э.Т.**, кандидат философских наук, доцент кафедры правоведения Юридического факультета ФГБОУ ВО «Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
- Муликова Н.А.**, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».
- Орлянский С.А.**, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».
- Орлянская Е.Н.**, магистр по направлению подготовки 37.04.02 Конфликтология.
- Попов М.Е.**, доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».

Тапешкина С.А., магистрант кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».

Тишкевич Э.В., аспирант кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».

Хачатрян Л.В., ассистент кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».

Научное издание

РОССИЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ
И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ, ЭКСПЕРТИЗА
И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Сборник материалов
регионального научно-методического семинара
(23 октября 2019 г.)

Научные редакторы:
Иванова Светлана Юрьевна,
Аксюмов Борис Владимирович

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка М.И. Толмачев

Подписано в печать 25.10.2019

Формат 60x84 1/16

Усл. печ. л. 7,44

Уч.-изд. л. 6,42

Бумага офсетная

Заказ 26

Тираж 150 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2

